

Иван Сохатов

**Технология
любви**

Иван Сохатов
Технология любви

«Издательские решения»

Сохатов И.

Технология любви / И. Сохатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851911-6

Лихие девяностые изменили и социум, окружающий нас, и наше сознание. Одни отнеслись к этим переменам активно, другие, часто вынужденно, плыли по течению, не до конца понимая происходящие вокруг них и с ними перемены. Это понимание касалось и непосредственно житейских вопросов. Менялись и близкие нам люди, что не всегда было просто заметить, и что приносило много негативного в нашу жизнь. Герой этой книги переживает такой перелом.

ISBN 978-5-44-851911-6

© Сохатов И.
© Издательские решения

Содержание

Технология любви	6
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Технология любви

Иван Сохатов

© Иван Сохатов, 2017

ISBN 978-5-4485-1911-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Технология любви

Первая часть. Аптекарский Огород.

Сон этот снился мне несколько раз – не навязчиво, но в моменты переломные, и вызывал у меня недоброе предчувствие.

Было несколько вариантов – он обрывался или начинался с середины. Приведу самый полный.

Что-то, не проявлявшее себя явно, подспудно влияло на меня. Откуда оно шло, я не понимал. Несомненным было только его существование. Позже я выскребу из этого некий смысл, но это уже не будет иметь значения, а сон ещё долго не оставит меня в покое.

Брат просит отвезти его на огород. Я переспрашиваю – куда?

Брата я не вижу, но иронию в его словах чувствую:

– На Аптекарский огород – не знаешь? Ещё Пётр распорядился об устройстве специального огорода для посадки лекарственных растений. Красивый жест – не правда ли? Монарх заботился о здоровье подданных. Теперь там Ботанический сад.

В следующем кадре поваленное ветром огромное дерево перегораживает аллею, по которой мы неспешно шагаем. Оголённые коричневые корни торчат в разные стороны. Ветви сломаны, по стволу широкая трещина. Сочное нутро дало смолистые потёки. Я про себя констатирую, что смерть дерева выглядит не так отталкивающе, как смерть животного или человека.

– Лиственница, – говорит брат со знанием дела, – крона слишком развесистая, а земля мягкая, вот и не удержалось.

– А ствол, почему сломался?

– Грохнулось о землю и надломилось. Дерево-то не прочное, но в воде не гниёт. Из него раньше пристани строили.

Он меряет шагами длину лежащего на земле ствола.

– Давно собираюсь купить маленькую пилораму и пилить такие деревья на доски. Выгодное дело – дубы тоже падают. Их отдают практически бесплатно. Увезёшь – и на том спасибо.

Недалеке от нас парень в рабочей робе возится с бензопилой. Из тулова вырывается сноп сизого дыма. Пошла работа: безвольно падают отделённые от ствола ветки. Я увожу брата от погибшего дерева. Надумает ещё что-нибудь.

Мы переходим к каменным горкам, и брат надолго погружается в созерцание мхов. На меня они не производят впечатления. В наших северных лесах похожая растительность занимают целые поляны, а здесь пятнышки по метру шириной. Я спохватываюсь в последнее мгновение, чтобы не сказать об этом брату. Болезнь отменила для него странствия с рюкзаком за плечами.

Раскидистые кроны деревьев с пожелтевшей листвой плавно раскачиваются над нами в голубом небе. Тёмно-красный кустарник вдоль аллеи колыхается в такт с ними. Справа от нас стеклянный бок теплицы.

Брат жалуется на усталость, и мы возвращаемся. Большая часть упавшего дерева уже превратилась в аккуратно напиленные полешки. Одно, не замеченное, откатилось в сторону. Я нажимаю на угол ногой, и опилки встаёт вертикально. С торца виден коричневый круг, а крайние кольца желтые. Брат выглядывает из-за моего плеча:

– Это не гниль, – говорит он, – деловая древесина – годится в работу.

Брат отходит в сторону. Я достаю из кармана перочинный ножичек и быстро пробую торец: на краю твёрдо – в центре лезвие легко углубляется сантиметра на два.

Брат медленно продвигается к скамейке и не видит этого. Я догоняю его и ничего не говорю ему о гнилом нутре дерева. Мы присаживаемся отдохнуть.

Напротив нас, на такой же скамейке, устроились две старушки. Одна прогуливает пуделька – другая подвижного внука в яркой курточке. Они согласно бегают друг за другом по газону.

Мы говорим мало: брату ещё трудно, а я не знаю о чём и моё нежелание обсуждать всякую белиберду выталкивает меня из сна.

Ночь прошла тревожно. Утром я проснулся под вой ураганного ветра. Наверняка в Неве поднялась вода. Куда поедешь в такую погоду? Я подчинился лени: устроил себе английское воскресенье или еврейскую субботу – это уж как больше нравится – и плевать мне на то, что этот день пришёлся на среду.

К тому времени у меня образовался небольшой денежный запас. О средствах можно было не беспокоиться. Непродолжительная праздность благотворно сказывается на состоянии духа. Это все знают. Повалиться на диване, почитать, скосить глаз в телевизор и не спешить никуда – вот оно счастье! Даже в магазин можно не ходить: в холодильнике съестного навалом. Кофе и сигареты я купил в ночном ларьке вчера вечером. Уже тогда задувало, и я поставил машину не у дома, как обычно, а на проезжей части улицы – подальше от деревьев, чтобы сорванные ветки не испортили краску.

Босыми ногами я протопал к окну. Мой дромадер был на своём месте.

После ночной работы усталость сковывает движения.

Тугая струя воды хлопнула по дну ванной. От долгого сидения за рулём с трудом разминалось затекшее тело. Подождал, пока наберётся достаточно, и медленно погрузился в тёплую воду.

Провести бы так – в блаженстве – весь день. Но через полчаса пора выбираться. Растёрся полотенцем до красноты. Стало легче, но на кухне, мне опять кажется, что руки лежат на руле. Специфическое такое ощущение появляется после долгого вождения автомобиля.

Сытный завтрак не слишком оживляет меня и не поднимает настроение. Я не могу ничего делать и сижу в апатии. Я ещё в ночном городе под жёлтым светом фонарей, на чёрных улицах в постоянном движении. Хочется как-то вырваться из этого состояния. Читать трудно – в глаза, как песку насыпали. Телевизор скучен. Разве что, приедет Никита, за ключами от квартиры. Ему негде трахаться со своей подружкой и он пользуется для этого моим апартаментом. Площадей у него хватает – квартира в городе, дача. Но на даче соседи, а место работы жены недалеко от квартиры – может неожиданно появиться; забежит перекусить – и застанет.

Только подумал о нём – стук в окно. Неоспоримое преимущество проживания на первом этаже: гостям не обязательно звонить в дверь. Можно запросто, как в деревне, постучаться в окно.

Никита широко улыбается мне, задрав вверх голову.

По жизни Никита увалень, но живётся ему неплохо: он получает приличную пенсию. Выслужил, охраняя стратегически важный объект – тот же космодром, на котором мне пришлось бывать в командировках. Там мы и познакомились. Вопреки расхожему мнению, что из любого военного, можно сделать приличного администратора, из него ничего не получилось. Служба его сводилась к слежению за тем, как другие исполняют не им отданные приказы. Он и сам говорил, что служил тихо, ни во что не вмешивался, а по выслуге лет демобилизовался при первой возможности.

Мы частенько парились в его баньке на даче. Выбирали, когда его жена, не слишком меня жалующая, работала в ночную смену и угощались пивом. К утру, ко времени её появления, перегар изо рта выветривался, и я спокойно уезжал в город, избегая лишних нравоучений.

Баня у него небогатая, но в есть всё, вплоть до мягких кресел у камина, создающих уют старого доброго дома. Друг мой аккуратист. К помывке у него заготовлены шуршащие крахма-

лом простыни, махровые полотенца – себе и гостям. Сервирован стол: тарелки, вилки и прочий инструментарий.

Датское пиво нашего питерского производства. Мы пьём его из поместительных кружек – банка ровно на кружку. Удобно считать, сколько выпили – по пустым банкам. Копчёная рыба свежего привоза, кастрюля с варёной картошкой в укропе. В камине колеблется пламя. Приятнейшее времяпрепровождение.

Я завариваю кофе – он развлекает меня разговором. Про извоз в основном. Раздаётся телефонный звонок. Я доверяю кофеварку Никите. Брат из больницы, как я и думал. Он там после инфаркта, осложнённого инсультом, ему ещё трудно говорить. Он тянет слова, путает согласные, медлит. Просит привести к нему подругу свою – актёрку. Она очень устаёт. Поэтому я должен тащиться за ней через весь город. Я отказываюсь, выдвигая предлогом пробки и занятость.

– Так Папулю то, всё равно, повезёшь, – настаивает брат.

– Ну, то Папуля, – парирую я.

Никита слышит в открытую дверь мои реплики и согласно кивает головой. Он тоже живёт с извоза и понимает, как тяжело лишний раз тащиться в запруженный машинами центр города. Вешаю трубку и жалуясь ему на то, что болезнь не уменьшила романтический пыл брата – он влюблен в свою актёрку по самые уши.

Никита соглашается, что для инфарктника это лишнее.

– Пойдёт так дальше – тебе и её родственников возить придётся, – заявляет он, подчёркивая, что он на моей стороне.

Я улыбаюсь, но грешно не только смеяться, но и подтрунивать над больным человеком, особенно за глаза. Никита бормочет что-то примирительное, но вставляет всё же:

– Под каблуком он у неё.

Это правда.

– Ей бы крепкого парня с котлетой зелёных.

Ясное дело. На том разговор о брате обрывается. Чтобы не вешать неловкую паузу зову его в комнату, показать, как раскладывается диван. Он у меня с норовом: заедает правую пружину. В прошлый раз Никите пришлось повозиться. Выдаю ему пару простынок, для комфорта. Завтра я еду в больницу к брату, потом работать. Меня не будет часов десять – справится.

Подливаю ему кофе.

– Как поживает Обезьян? Цел ещё? – Никите хочется приятного разговора. Тема хорошая, ностальгическая.

– Что ему сделается? Продвигает науку в институте Высшей Нервной Деятельности. Отдельный вольер, трёхразовое питание.

Уход и внимательное отношение со стороны администрации ему обеспечен. Ещё бы – американцам заплатили за него и за его подругу по миллиону долларов. Обезьян сохраняли в целостности и сохранности в надежде на возобновление программы полёта на Марс. Но сохраняли уже только их – программа была практически свёрнута.

Я интересуюсь: помнит ли он врача Тоню? Брат сейчас у неё в больнице. Никите ни имя её, ни подробное описание внешности не говорит ничего.

После передачи ключей настроение Никиты явно поднялось. Долго сидеть он не намерен. В дверях, надевая ботинки, интересуется – посещаем ли мы с братом Ботанический сад.

– Вам бы перебраться в зоологический? Там жирафы спариваются. Не видел? У меня была подружка, мы с ней по весне ходили смотреть. Её это возбуждало.

Поясняю ему, что после инфаркта зоологический сад не годится. Брату показано успокаивающее, а не возбуждающее. Он где-то вычитал, что для продления жизни, полезно сле-

дить за тем, как растут и развиваются растения. Их биотоки стабилизируют нервную систему. Дерево это молитва, направленная от земли к небу.

– Это брат так говорит, – успокаиваю я Никиту, а то он уставился на меня огорошено.

– Актёрку то он привести просит. Она не дерево, – гнёт он свою линию, – друид из него никакой не получится.

Из окна кухни я вижу, как он садится в машину. Розовощёкий, моложавый, неплохо выглядящий для сорока пяти лет, крепко сбитый мужчина. Волосы чуть длиннее, чем следовало бы – дань любви незабвенным битлам. На нем приличный кожан, новые джинсы и остроносые штиблеты, начищенные до блеска.

Никита уезжает. Располагаюсь на диване и размышляю о том, что мы говорим о любви слишком широко. Согласитесь: любовь к женщине нечто другое, чем любовь к Богу. Первобытные племена для обозначения травы или деревьев используют десятки, а то и сотни слов. У них практически отсутствуют общие понятия. Мы в другой крайности: одним и тем же словом определяем слишком многое.

Любовь к жене – развелись полгода назад; и к моей подруге – роман с ней у меня прекратился чуть позже, чувства различные и обозначить их одним словом затруднительно. Первое уверенно развивалось, дошло до высшей точки развития, и плавно снизошло. Второе – какая-то вспышка, страсть неразумная, налетевшая как шквал. Разные совсем чувства – одного слова мало.

Теперь у нас всё по-новому. Разнообразие половой жизни усиленно пропагандируется, но это дело хлопотное и требует средств. Мне всегда казалось, что неумение создать стабильную семью позорно. Оказалось, что этим можно гордиться. Мы обсуждали эту тему с Никитой, и он сказал, что с возрастом я становлюсь ханжой. Пусть так.

В основе блуда – в гораздо большей степени, чем это желают показать – лежит неумение найти то, что надо. Мои родители обошлись без взаимных измен – я уверен в этом. В Бога они не верили и не заключали союза, за который с них спросят на страшном суде. В непрезентабельной конторе Загса, неподалёку от нашего дома, им в паспорта, в присутствии ближайших родственников и друзей, настроенных на праздничное угощение с обильной выпивкой, резиновым штампом поставили синие печати. Расписывались они не в книге судебных, а в конторской книге с картонной обложкой серого цвета. Подписи эти предназначались районному суду, а не верховной инстанции, случись Папуле неаккуратно выплачивать алименты. Они часто ссорились. Многое вызывало у них диаметрально противоположные реакции, но вместе они прожили много лет и не жаловались.

Откуда такое постоянство? Я всегда останавливался на том, что констатировал факт – это было. Подсознательно я стремился к тому же, но у меня так ровно не получилось. Мои отношения с женщинами носили извилистый характер. У брата наблюдается то же, но в большей степени.

Если бы не продолжительность романа – почти десять лет – я бы внимания на него не обратил. Но десять лет! За это время люди рожают детей и отправляют их в школу; расходятся и опять сходятся; создают устойчивые семьи и рушат неустойчивые. А тут какое-то вялотекущее, аморфное действо – ни жены, ни детей. Брат заводил об этом туманные разговоры, но я не потрудился даже понять, к одной женщине они относятся или к нескольким. Брат намекал на то, что эта связь имеет для него какое-то особенное значение. Я равнодушно кивал головой: почему бы и нет – дело житейское. Он прерывал свои излияния.

Его болезнь многое изменила. Марина, так звали его пассию, за время его болезни стала для меня чем-то реальным: приходила к нему в больницу, брат говорил о каком-то спектакле, в котором она принимала участие. Почему бы им не жить вместе, если уж так сильна взаимная привязанность? У Брата есть комната. Пусть в коммунальной квартире, но большая двадцати

метровая комната в центре города. Или сделали бы ремонт в папулиной квартире и жили бы в ней. Можно было обменять комнату и квартиру на одно большое жильё. Или, наконец, уговорить Папулю жить в этой комнате, а самим вселиться в его квартиру.

Была какая-то особая причина, мешавшая их счастливому соединению. Она не хотела этого? Я хорошо знаю брата, знаю, что все его начинания – туман прозрачный. Он всегда изобрал из себя кого-то: художника, делового человека. Я не верил. Но других он умел одурачить. Возможно, она тоже догадывалась об этом и удерживала брата на определённом расстоянии. Так частенько бывает. Для властной женщины покорный воздыхатель любимое блюдо. Всегда корректен, влюблён и послушен. Всё заработанное готов тратить на неё. Что может быть лучше! Возможно брат сам, понимая, что актёрская судьба полна неожиданностей, довольствуется ролью бой-френда. Хотя его замечания о ней так трепетны. Его выдаёт волнение. Он вздрагивает при каждом телефонном звонке.

О любовном томлении крайней степени, приятнее почитать, чем переживать таковое самому. Куда лучше ровные отношения, не воспаряющие в небеса – на уровне взаимной благодарности за сексуальную близость.

Такие вот приятные, благочестивые размышления посетили меня осенним деньком, в который я устроил себе воскресенье. Однако, подошло время готовить обед. Сегодня у меня суп из курицы и картошка с копчёной колбасой на второе. Из кулинарных рецептов мне больше нравятся те, которые требуют меньше времени на приготовление. Куриный суп – хорошее блюдо. Надо почистить картошку – одновременно для супа и на гарнир для второго блюда; нарезать лук – пол луковицы осталось со вчерашнего ужина; поскоблить ножиком морковку и натереть её; промыть в холодной воде курицу; поместить всё это в кастрюлю; зажечь на плите газ и пойти смотреть телевизор. Закипит – слышно будет. Вот и все заботы. Два килограмма еды скоро будут готовы.

Через пару минут начнутся новости на канале «Россия». Их просмотр я тоже отношу к кулинарному действию. С телевидением у нас полная беда. До перестройки тоже было плохо, но на другой манер. Тогда была пропаганда и скука, а теперь реклама, пошлость, тоска сериалов с деревянными персонажами и набившие оскомину американские фильмы с непременным хеппи-эндом. Дошло до того, что иногда я тоскую о сытых физиономиях кубанских казаков и ударников коммунистического труда. Единственный плюс в том, что рекламой памперсов и прокладок меня отучили, есть перед телевизором.

Найти бы какую-нибудь научно-популярную передачу загадочного содержания, чтобы завтра было о чём поговорить с братом. Но их показывают поздно вечером. Брат беззастенчиво верит в самые разухабистые теории, например, в то, что жизнь была занесена на землю космическими пришельцами. Примитивные организмы попали на нашу планету из другой галактики. Пристойно для девятиклассника, но не в его годы.

В одиноком, а лучше сказать, самостоятельном моём существовании – бодрее звучит, сожаление изгнано – я выработал привычку готовить пищу, будучи сытым. Это важная составляющая кулинарных успехов. На голодный желудок, истекая слюной, ничего путного не приговоришь. Торопись, хватаешь недожаренные куски, а это вредно...

Варево моё вскоре готово.

Покончив с ним, перемещаюсь обратно на диван. По опыту я знаю, что за один раз после ночной работы не выспишься. Приходится спать всё утро и прихватывать днём часа два три – тогда только чувствуешь себя нормально. Приятному этому настроению я не противлюсь, тем более, что есть у меня верное средство обрести блаженное забытьё. Я закутываюсь в одеяло потеплее, и беру книгу про полярные путешествия, про то, как мужественно сражаются с вечными льдами, морозами и выюгами герои первопроходцы. Невзирая на голод, холод и непогоды, сквозь пургу и жестокий мороз, боля, теряя сознание от непосильных физических нагрузок, неуклонно движутся они к своей цели...

На улице уже горят фонари, когда я просыпаюсь. Самочувствие куда лучше, чем утром: ватной усталости нет. Нащупываю на полу пульт и включаю телевизор.

Пришла бы ко мне моя подружка, но в последнее время она появляется у меня всё реже. Горести от этого я никакой не испытываю: её исчезновение из моей жизни запланировано с самого начала наших отношений. Эту связь я считаю своим достижением.

Началось всё самым обычным образом. Она проголосовала на Лиговском проспекте, метров за триста до Московского вокзала.

– Куда тебе? – спросил я.

«Ты» я вставил намеренно, чтобы поменьше разводиться сантиментов.

Ей надо прямо, как можно дальше, и бесплатно. Приятное выражение на лице. Вроде не проститутка. Поехали. Она ничего не имела против того, что я поеду направо, и налево тоже. Больше и говорить ничего не надо было. Прямо у своего дома в ночном ларьке я купил бутылку мартины польского изготовления. Там же теперь торгуют и презервативами. Сначала она показалась мне до неприличия молодой, но всё прошло гладко: ей было больше восемнадцати лет.

Начиная с той ночи, вот уже почти четыре месяца, она появляется у меня. Особая прелесть наших отношений в том, что у меня нет ни адреса её, ни телефона. В этом и состоит моё достижение: я не знаю, последняя это наша встреча или нет. Отсутствие будущего придаёт нашим отношениям некоторую свежесть. Обычно она появляется у меня вечером и исчезает утром. Пропадает на два-три дня, на неделю. Она как-то спросила у меня: не хочу ли я взять её телефон. Я ответил, что это всё испортит: она не будет чувствовать себя независимой. Она подумала и согласилась.

Однажды она долго ждала меня на скамейке у дома. Какое-то время она появлялась у меня каждый вечер. Сделалась особенно ласковой и не упускала случая напомнить мне, какой я умный и великолепный мужчина. Заявила, что терпеть не может трахаться с резинками, и что она честная девушка, а не какая-нибудь там и, что она студентка.

Скорее всего, это было правдой. В сумке у неё бывали книжки, и она по утрам заглядывала в них, сверяясь с конспектами. Пару раз, я даже объяснял ей что-то по физике, из того, что сам не забыл.

Кроме того, у неё есть мама и папа. Она прописана у них в Луге, а туда далеко ездить. Вот она и ночует у меня – время от времени. Она говорит родителям, что проводит ночь у подружек в общежитии, а летом она работала в студенческом строительном отряде. И, вообще, я такой замечательный и со мной ей так нравится, что она с удовольствием останется здесь навсегда.

Вот это – не надо.

В начале осени она звонила и приходила реже. Как-то её не было почти две недели. На мой вопрос: где она пропадала? – она ответила, что у неё могут быть свои увлечения. Я похвалил её и сказал, что повышаю её в звании: теперь она будет моим товарищем.

– Трахаться мы больше не будем? – спросила она.

– Отчего же, – ответил я, – не годится прерывать такие приятные занятия.

– Тогда я не товарищ, а хотя бы любовница.

– Нет, – сказал я строго, – ты будешь как бы моим другом, но с элементами сексуальной близости – будешь моим боевым товарищем.

– А-а, – протянула она, – так у меня ещё не было.

И продолжала появляться у меня с прежней непринуждённостью налетающего, откуда не весть, ветерка.

Сегодня она не придёт. Обычно она звонит днём и справляется: буду ли я вечером дома. Надо придумать, чем занять себя. Браться за медленно поглощаемого Пруста не хочется. Зав-

тра разговор с Тоней, поднимет воспоминания о работе, взбаламутит гущу. Тоски по утраченному времени и без того хватает.

Варево моё примиряет меня с утратами. По-настоящему тягостно не одиночество, а страх перед ним. Многих, особенно, женщин угнетает привычное: а что скажут люди? Сидит одна и не нужна никому. И про мужика тоже подумают: слабак, сыч одинокий. Мало кого интересует другая сторона: сам себе тоже нужен.

Вечером развлечься не трудно. Я читаю – в глазах уже не рябит. Если бы не гейство его треклятое, сказал бы что Пруст мой любимый писатель. Кошу глаз в телевизор – там скука рекламно-сериальная.

Незаметно, время приближается к одиннадцати часам.

Всё бы легче переживалось, не потеряй я любимую работу. Мои горести начались с этой потери. Классика. Таких, как я легион. Номинально меня ничего не лишили. Трудовая книжка до сих пор лежит в отделе кадров нашего института, как бы ещё существующего.

Я не в обиде на перестройку, прикрывшую нашу программу. Плохо другое. Строили, строили и вдруг – на тебе: давай перестроим по-новому. Приладили бы сбоку какой флигелек с мезонином или ремонт под евростандарт закатали. А тут – давай крушить без разбору. Но, что говорить: какой есть дом – такой и будет. Приживёмся и в перестроенном. По мне бы только ракеты запускали. В одиночку не сдюжить – требуется объединение. Какие социальные схемы позволят реализовать это – мне безразлично. Моё участие в конструировании корабля было не значительным: моя группа разрабатывала кресло, в котором обезьян должен был находиться во время полёта.

Работа увлекала меня. Космос – понятие с трудом поддающееся осмыслению. Мы как-то очень быстро приспособили это слово к нашим неуклюжим попыткам выбраться из земной колыбели. Сначала говорили об освоении околоземного пространства. Это было правильно, но не прижилось. Настоящего то космоса мы ещё и не нюхали. Мы ещё как малые дети, которым хочется знать: что там – за пределами нашей комнаты, квартиры, дома?

Что он для нас? Необъятный простор, ждущий нашего проникновения... Чёрная пустыня, требующая от нас всё новых жертв...

Планета наша – огромный космический корабль. Вместе со всей солнечной системой мы движемся по вселенной. Солнце когда-нибудь выработает свою энергию и придётся перебираться в другое место, где теплее. Торопливо беспокоиться об этом, пожалуй, рановато, но и забывать не следует.

Хорошая тема для успокаивающего размышления перед сном. Я заставляю себя почистить зубы и ложусь на свой диван. Я представляю себе Обезьяна, летящим к Марсу. Он и был моей работой. Для полёта, из двух имевшихся, выбрали мужскую особь. Мы не дали им милых кличек. Мы определили их по родам: она была Обезьяна, а он, соответственно, Обезьян.

Его круглая волосатая голова склоняется к иллюминатору – за толстым стеклом бесконечное звёздное небо. Он откидывается в своём кресле. Это не простое кресло, а сложнейшее устройство, полностью обеспечивающее всю его жизнедеятельность.

Специальные захваты подают ему тубы с едой и сосок с питьём. На его конечностях браслеты датчики, они же пускают по мышцам электрический ток, заставляющий их ритмично сжиматься. Это хорошо действует против гиподинамии. На черепе металлический венчик для снятия энцефалограммы – он говорить не умеет и не может пожаловаться на плохое самочувствие. Прямо перед ним экран – по команде с земли на нём появляются разные фишки, специально для него разработанные. Одни картинки, в сочетании со звуками служат командами, другие успокаивают, третьи развлекают. В модуле шелестит листва – космическое безмолвие отрицательно сказывается не только на людях. Он будет слушать музыку. Мы подбирали мелодии, которым он отдавал предпочтение. Нам хотелось как-то скрасить его пребывание в маленькой капсуле с искусственно очищенным воздухом и консервированной водой.

Его одиночество будет абсолютно, не как моё – квартирное. Его удаление от других земли превысит всё бывшее ранее. В космических размерах движение его капсулы мизерно – в размеры нашей планеты оно уже не вписывается. Пугающее и манящее одновременно обстоятельство.

Его готовили к этой миссии, не спрашивая согласия. В том была некоторая подлость, и она не искупалась предоставленной ему честью быть посланцем Земли в просторы солнечной системы. Если бы мы смогли ему объяснить, а он смог бы понять, для чего с ним проделываются все эти манипуляции, и предоставили ему право выбора, он, скорее всего, послал бы нас куда подальше, и предпочёл бы раскачиваться на дереве в каком-нибудь приличном зоопарке. Мне сомнителен его интерес к жёлтой планете.

В какие-то моменты он умно смотрел на нас и старался работать. По нему было видно, когда он валял дурака. Его серьёзный настрой заставлял и нас действовать слаженнее.

Космические полёты для человечества будут чем-то вроде пирамид для древних Египтян. Благоприятный климат способствовал созданию избыточного продукта. Свободные силы надо было на что-то направить. Пирамиды пришлось как нельзя кстати. Наше продвижение к другим планетам, возможно, будет чем-то подобным.

Возникает и проблема, указанная ещё великим Циолковским. Развиваясь, мы меняемся. Всё чаще говорят о X-людях – результате воздействия на человека научно-технического прогресса. Возможно, за проникновение в просторы вселенной нам придётся заплатить нашей биологической самостью: мы превратимся в пластмассовые и металлические конструкции, способные существовать практически в любых условиях и без ограничения во времени. Если же мы останемся в нашем биологическом облике, то дальнейшее развитие космонавтики будет похоже на то, что мы видим сейчас. Мы будем строить корабли со сложными системами обеспечения жизненного цикла, решать проблемы психологической совместимости и занятости космонавтов на борту огромных космических дредноутов.

* * * * *

Утром я чувствовал себя прекрасно – вчерашней усталости как не бывало. Произвёл в квартире обстоятельную уборку, потом заехал в гараж. Знакомый сторож, за деньги малые, разрешает мне мыть машину на гаражной мойке, оборудованной даже горячей водой.

Жучков на кузове меньше не стало. Хорошо бы весной покрасить моего дромадера, а ещё лучше – продать. Были бы только деньги на другое авто. Временами я теряю веру в то, что мои обстоятельства изменятся в лучшую сторону.

В бодром настроении на чистой машине выезжаю я за ворота. Денёк так себе: солнышко светит, но не ярко. Где-то высоко перистые облака гасят силу лучей – осень.

К Папуле я приезжаю около часа дня. Он стоит у окна на кухне. Машу ему рукой и жду, пока он оденется, запрёт дверь и спустится на лифте с третьего этажа вниз. Всё делается им по-старчески медлительно. Я нарочно остаюсь в машине, чтобы не раздражаться этим.

Наконец он появляется. Когда он не бодрится, видно, как сильно он постарел: остренькие плечи, сухие кисти рук, лицо – сеть морщин.

– Сдал я совсем, – он понимал, что усаживался в автомобиль слишком долго. Мы выбираемся из двора и катим по широкому проспекту.

Говорить нам не о чем. Всё, что касается брата, мы уже обсудили по телефону. Других тем нет. Через пару километров он тяжело вздыхает:

– Ты от нас отошёл. – Украдкой смотрит на меня, пытаюсь понять, получится ли у нас душевный разговор. Я поглощён управлением автомобиля.

– Моей вины в этом нет, – провожу я черту между нами.

Тяжёлый вздох повторяется, и дальше мы едем молча. Напряжения нет, но и говорить нам не о чем. Медленно пробираемся от Чёрной Речки к Ушаковскому мосту. Панорама реки меня успокаивает. Мне не хочется вспылить, если он прогнусавит что-нибудь из обычного своего репертуара. Я хочу по Чекаловскому проспекту попасть на Первую Линию, и дальше, по Большому проспекту добраться до больницы. Время удачное – мы почти не стоим в пробках.

– Машин сколько стало! – восклицает он.

– Да, не мало, – я не слишком стремлюсь продолжать беседу. У нас с ним разные оценки дорожной ситуации. Мы ненадолго прилипаем у Петровского стадиона. Я вспоминаю, как он воевал с братом на матч гигантов, в каком-то далёком семидесятом году. Хорошее воспоминание – я благодарен ему за это. Мать в последнюю минуту отговорила его не идти на спортивную арену в форме. Я тогда очень гордился тем, что отец у меня военный – он служил в войсках связи – и старался как можно лучше учиться, наивно полагая, что хорошие оценки помогут мне в соперничестве с братом за его внимание. Я поздно понял, что мои успехи в школе его более раздражают, чем радуют. Сам он окончил десять классов и какое-то среднее военное училище и не любил «умненьких», как он называл людей с высшим образованием.

Сидит, молча – нахохлился. Сейчас задаст каверзный вопрос, и я наперёд знаю какой. И точно – спрашивает:

– Как у тебя с работой? Нашёл что-нибудь?

Прямо под вздох. Сидел, просчитывал, и не сдержался. Ткнул пальцем в больное место.

– Вот моя работа, – чуть не кричу я, и бью обеими ладонями по баранке. – Мне никакой другой не надо. Кормит прекрасно, и с весёлыми девчонками дело хорошо обстоит.

Последнее у меня вырывается неожиданно для самого себя. Не хватало ещё, чтобы он спросил у меня про Обезьяна, а потом заявил, что запускать на Марс шимпанзе – глупость. Доходило и до этого. Я бы не удержался и ответил резко. К брату мы явились бы в невесёлом настроении.

Моя выходка действует на Папулю как стоп кран, на набирающий ход поезд. Не чванился бы он, не всезнайствовал, я бы любил его и сейчас. Но он, человек военный – у него своя спесь.

На светофоре я кошу глаз на маленького, беспомощного теперь старика, сидящего справа от меня. Мне трудно вспомнить его уверенным в себе красавцем офицером, за одно одобрительное слово которого, я, в своей мальчишеской жизни, готов был на всё что угодно. Сейчас я воспринимаю его, как реликтовое растение, сохранившееся благодаря уникальному стечению обстоятельств. Его мнение о том, что мне следует делать, а что нет, для меня ничего не значит. Но, то детское обожание не истёрлось и временами проявляет себя.

Больницы я не люблю: специфический запах – пахнет лекарствами, дешёвой едой, хлоркой; много белого – халаты на персонале, постельное бельё. Больничная суэта – опять же. Медсёстры, нянечки со швабрами, доктора. Последние выглядят увереннее прочих. Куда-то передвигаются немощные больные. За этим гомоном, покрывающим человеческие страдания, скрывается конечное – смерть. Специально об этом не думаешь, но раз ты здесь, оно в подтексте.

В палате Папуля выкладывает на тумбочку свои приношения: сок, апельсины, кусочек нежирной докторской колбаски. Брат нудит: ну чего принёс – зря беспокоился. Напрасно он так. Старика важно хоть что-то для него сделать, хоть чем-то помочь. Он с утра ходил в магазин, чапал, с трудом переставляя ноги, и ему хочется, чтобы сыну всё понравилось.

Я оставляю их – пусть посекретничают.

Антонина встречает меня весело. Серая мышка, с неопределённой причёской, и глазки серенькие. Росточка невысокого, фигурка – не оглянись. Отношения у нас чисто дружеские.

Что она мне скажет, я приблизительно знаю, и она подтверждает мои догадки. Понимает ли мой брат, что с ним происходит? Человеку за сорок и ему всё подробно объяснили в больнице имени Святого Георгия, бывшей имени Карла Маркса.

Она выдерживает небольшую паузу, чтобы показать строгость глаз своих. Никакую операцию брату делать нельзя. Элементарно не выдержит – инфаркт слишком обширный. В связи с этим возникает второй вопрос, интереснее первого. Сколько проживёт? Возможно, недолго. Повезёт, но это при условии соблюдения предписаний, проживёт и два десятка лет. На всякий случай, ему не плохо бы подготовиться к тому, что события могут развиваться наихудшим образом. Речь идёт о каких-то последних делах, которые необходимо сделать. Написать завещание, исповедаться, дать родственникам какие-то распоряжения. В его положении имеет смысл задуматься обо всём этом. Пришло время сделать то, что откладывал много лет. Лучше, когда человек подготовлен к такому варианту. Это и для окружающих легче. Особенно больно, когда все уверовали в полное излечение, предписания забыли, таблетки пить перестали, а всё оборачивается по-другому. К сожалению, советам следуют редко.

Она говорит всё это с некоторой бравадой – не значительной, но заметной. Она, конечно же, не распоряжается продолжительностью жизни своих пациентов, но она распределяет очередь на операции. Авторитет её среди больных высок.

Тема разговора серьёзная. Мне бы расстроиться – войти в трагизм положения. Но я замечаю на ней футболку или пуловер тонкой шерсти – не знаю, как правильно называется это одеяние – выгодно подчёркивающее лёгкий загар оттенком бежевого, какой бывает на нижнем белье. Смотрится сексуально.

– Ему может помочь какое-нибудь увлечение, – улавливаю я.

– В молодости он увлекался живописью. Но с кистями и холстом я его давно не видел. Года три назад он намарал этюдик в холодных тонах, как он выразился. Да в таких мрачных, что и смотреть не хочется. Женский профиль и в отдалении горы – полная чушь. Жалко испорченных красок.

– Такое не подойдёт.

– А то, что он влюблён?

Глаза её вспыхивают: положительные эмоции это то, что нужно. Я прикусываю язык. Всегда ли с этим делом связаны положительные эмоции? Но ей я говорю о великой силе любви, и о том, как она может преобразить жизнь человеческую. Это сработает и с моим братом. Наверняка сработает. Он теперь часто заговаривает со мной о ней. Жизнь, быть может, приобретёт для него особый смысл под воздействием чувства. Женщины легко верят в такие штуки. Но она видит мою браваду и улыбается – не без горечи.

Мы застаём брата и Папулю в палате. Брат полулежит на кровати, а Папуля сидит на стуле рядом. При нашем появлении, брат встаёт. Поднимается и Папуля, и сразу же берётся за свою мятую сумку из болоньи. Знакомясь с Тоней, он склоняется в учтивом поклоне. Хорошо получается: сдержанно, уважительно по отношению к себе и, одновременно, почти подобоострастно. Видна военная выправка. Он тут же прощается с братом, кивает мне:

– Ты не заедешь?

Знает, что не заеду. Вопрос задаётся, чтобы показать какая у нас дружная семья. Так же церемонно он прощается и с Тоней. Видно, что он ей понравился.

Когда папуля уходит, она принимается за брата. Я хотел увильнуть, но было сказано, что и мне полезно послушать.

Началось с вопросов. Как всё было? Когда? Терял ли сознание? Много ли пил? Занимался ли спортом? Брат отвечает игриво: у него всё это уже много раз спрашивали. Получив достаточную информацию, она нам подробно рассказывает, что такое инфаркт и коронарная недостаточность. Брат продолжает глуповато улыбаться. Ему скучно. Он это уже слышал. Лекция получается длинноватой, и потому я думаю о том, как бы у нас с ней всё было в постели.

В какой-то момент она замечает, что её не слушают, и сворачивает своё выступление. Брат облегчённо вздыхает. Воспитывать его в сорок с лишним лет просвещающими лекциями дело бесперспективное. Но ЭКГ надо повторить. Брат упирается:

– Вчера делали.

– Ничего страшного – сделаем и сегодня. Потом ещё и суточный мониторинг надо провести.

– Таскаться целые сутки с аппаратом? – спрашивает брат с деланным испугом. Лицо его искажает гримаса ужаса. Игривость его неуместна, и производит неприятное впечатление. В том, чтобы сутки походить по больнице с корбочкой весом в триста грамм нет ничего страшного.

Они скрываются за дверью кабинета. Мне мучительно хочется, чтобы он выздоровел и стал, пусть не прежним, но, хотя бы, разогнул спину, перестал шаркать ногами по полу, подстриг сальные локоны, свисающие ему на плечи, сбрил бы куцую растительность со щёк. До болезни он был опрятным человеком. Сейчас этого не скажешь. Бегал бы опять по своему цеху; купил бы себе большой автомобиль с широкими колёсами, о котором по-мальчишески мечтает; возил бы на нем свою актёрку в театр, а после удачной премьеры загружал бы её, вместе с корзинами цветов от благодарных почитателей, на заднее сиденье, и вёз, торжественно, по всему Невскому проспекту домой. Но такому развитию событий я ничем не могу поспособствовать.

– А он фрукт у тебя, – говорит Таня, появляясь из-за двери кабинета, – Плохая у него кардиограмма. Плохо и то, что больные обычно интересуются механикой дела, а у него больше иронии. С таким подходом

Можно не договаривать – без того всё ясно. Но, не пить – не курить; не завязывать мимолётные знакомства секса ради; не работать, так, чтобы жилы лезли из-под шкуры; и, дойдя до одури, пуститься отдыхать – тоже так, что дым коромыслом и уши в трубочку. Вместо счастливого, внахлёт существования размеренные прогулки по аллеям парка. Приём лекарств – по часам и строгим схемам. Питание только полезными продуктами, а не, боже упаси, шашлыком с костра. Тает во рту, жиром стекает на ладонь. К нему тонкое вино или денатуратную водку – уж как повезёт. Без этого стоит ли городить огород? Я молчу сконфужено.

После ЭКГ Таня отправляется к себе – переодеться. Мы с братом идём в его палату. Мы передвигаемся медленно, взвешенно. Мне трудно выдержать такой темп, но я подчиняюсь.

Кроме кровати брата, у противоположной стены палаты, ещё кровать и больничная тумбочка, прикрытая белой бумагой. Её обладателю два месяца назад делали коронарное шунтирование. Он уже неплохо себя чувствует.

– Завтра выпишется, – мотает головой в ту сторону брат.

Сейчас он серьёзен и смотрит на меня внимательно. Кураж весь вышел. Что сказала Тоня? Что хорошее может сказать врач! Операцию ему делать не надо. Не надо мягче звучит, чем нельзя. Кровать напротив пуста: шунтированный пошёл смотреть футбол. Ему шанс выпал – брату нет. Брат тоскует – я сочувствую.

– Ну что же, – говорит он, – придётся пить таблетки и вести размеренный образ жизни.

В момент принятия столь важного решения появляется Антонина. Брат встаёт, они церемонно прощаются. У брата нет той чёткой сдержанности, которую с лёгкостью демонстрирует Папуля.

Ехать нам недалеко – всего три перекрёстка.

– Буддизм, – говорит Тоня тем же тоном, каким читала свою лекцию, – кроме прочего, проповедует добровольный уход из жизни. Наступает момент, когда человек своё прожил и сознательно подготовленная смерть – благо. Монахи в монастырях, расположенных высоко

в горах, наставляют желающих подготовиться к смерти. С суицидом ничего общего. Это осознанное принятие конечности своего существования. Там это переживают многие.

Я молчу – сказать мне нечего. Глубокие снега, ледники, густые туманы, старцы в длинных одеждах, заунывно поющие на непонятном языке длинные молитвы, и при всём этом мой, улыбающийся во всю свою округлую физию братец. Она видит мою оторопь.

– Наши больные ведут себя по-другому: просто не делают то, что необходимо. Пусть будет как есть. Жил так и буду жить дальше, как мне нравится. Не мною отмеряно. Самая опасная позиция для больного. Надо уйти от этого, иначе все усилия пойдут прахом. Тебе надо как-то повлиять на брата – сделать так, чтобы он понял серьёзность положения. Ему тысячу раз было сказано, как надо себя вести. Но он не слушает других. Влияние должно идти исподволь, так чтобы он сам его не заметил.

Как я могу на него повлиять? Брат сам себе на уме.

В сумерках, кажется, что очки её блестят ярче – взгляд делается напряжённее. Слышал ли я что-нибудь о двадцать пятом кадре? Человек даже не подозревает, что его работают. Вот так и с ним надо действовать.

Мне это претит – нечестно и отдаёт чем-то... Нельзя решать за другого, как ему жить. Так мы далеко уйдём. Вложил нужный слоган в телепередачу, и все полетят целину осваивать и кукурузу выращивать. Нечто подобное у нас уже было.

Она недовольна моим ответом. Болезнь даёт право действовать решительнее. Речь идёт о человеческой жизни. Строгие складочки в углах губ. Я обещаю поговорить с ним, хотя уже говорил и, достиг этой беседой немногого. Сегодняшнее решительное утверждение о питии таблеток вместо коньяка, скоро забудется.

Мы уже приехали. Надо как-то снять возникшее напряжение. Она находит тему. Вопрос лаконичен, но сразу о многом: скучаешь по работе? Это мягче чем вопрос Папули на ту же тему, но мне и с ней не хочется обсуждать эту тематику. Я отшучиваюсь:

– Ты про Обезьяна? – вокруг него вилось много наших врачей, но её приглашали для консультаций. Там мы и познакомились. – Поехали к нему в гости.

– Обязательно, прямо сейчас и поедем.

Это называется взять на понт. Надо же сначала позвонить – выписать пропуск. Она касается моей руки – не стоит объяснений.

– Я позвоню, когда дойдёт до выписного эпикриза.

Она выпархивает из автомобиля и, пока я разворачиваюсь, пропадает за дверью парадного. Разворачиваюсь я медленно. Настроение у меня поганое: брату чуть за сорок, а мне и сорока нет, но разговоры с нами ведутся конкретные.

Так явно перед закрытыми воротами меня ещё не ставили. Даже, когда умирала мама, не было такой пустоты. Мне до последнего момента не говорили, что у неё рак. Она бодрилась, не подавала виду. А здесь чуть ли не соучастие какое-то. Повлияй на него исподволь. Ага. Повлияешь на него – как же? Скорее сам он на кого хочешь повлияет.

Тоска сжимает душу. Темнеет рано, и давят меня фонари жёлтые и мостовые тёмно-серые. Гонит по ним сухие листья недобрый ветер. Также он сдует когда-нибудь и меня с братом с Васильевского острова, и с любимой нами Гражданки. Будет Питер и дальше жить поживать, не беспокоясь нашим отсутствием.

Зря она так правду матку режет. Хотя ей виднее – через её руки не один десяток таких, как мой брат, прошёл. Уход из жизни, чуть ли не добровольный. Монастыри в снежных горах, лысые монахи в красных халатах. Двадцать пятый кадр. Лихо у неё всё это соединилось в единое целое. И чувствования брата моего возвышенные, и, равно, лишние болезни его. Мне так кажется – хотя есть и другая точка зрения.

Кто-то машет рукой. Выглядит прилично. Начинается моя работа.

* * * * *

Васильевский остров со стороны залива начали осваивать сравнительно недавно. Долгое время там вообще ничего не было: зыбкие грунты. Питер – морской город – развивался в сторону суши, словно стесняясь своей морской принадлежности. Однако опомнились: намыли песок, укрепили берега сваями и фасады прямоугольных домов подобрались к берегу Маркизовой лужи.

Клиент здесь часто попадает какой-то шальной, пьяный. Ехать ему недалеко – в пределах любимого острова. Заработав первый полтинник, я выбираюсь к Большому проспекту, чтобы оказаться поближе к мосту Лейтенанта Шмидта. Не клюнет по дороге – перевалю через него. На другой стороне Невы – Коломна. Транспорта там меньше, только редкие маршрутки, а желающих ехать достаточно. Отсюда чаще всего просят довести до метро на Сенную площадь. Тоже за пятьдесят. Не много, но и конец не длинный. Скоро наступит время пробок, а здесь проехать можно. Часа за два рублей триста наберётся.

Этот вид заработка существовал ещё и во времена доперестроечные. В основном, им занимались шофера возившие начальников, которым полагался личный автомобиль. Они урывали пару часов, пока начальство заседало на совещаниях, и работали на свой карман. Их ловили, наказывали, лишали тринадцатых зарплат, увольняли с работы, но эти строгие меры не предотвращали мгновенно возникающее понимание между гражданином на тротуаре, желающим доехать в определённый пункт, и готовым отдать за это свои честно заработанные, и, проезжающим мимо, водителем государственного авто.

На личном транспорте халтурить решались немногие. За это штрафовали, и среди населения ходили упорные слухи о том, что у кого-то за это конфисковали автомобиль. Я не встречал ни одного такого несчастного человека. Мало для кого занятие это было основным: отвёз кого-нибудь между делом – не более того. Потому и называли это занятие халтурой.

С появлением различных свобод использование собственного автомобиля в целях наживы утратило криминальный характер и, сразу же, утвердилось другое название, почерпнутое из времён давно прошедших – извоз. Многие занялись этим делом прочно, взяли патенты, повесили на свои автомобили светящиеся плафоны с шашечками и работают, как полноценное такси, с той только разницей, что нет над ними никакого таксопаркового начальства и обязательства возвращаться со смены в определённое время.

Это название нравится мне больше первого ещё и потому, что роднит меня с красноносым мужичком в тулупе, восседающим на саях, запряжённых сытым савраской. Условия моего труда классом выше, чем у извозчика на конной тяге. У меня есть крыша над головой, работает печка, мне тепло и даже тихонько наигрывает приятная музыка. Густота и скорость современного автомобильного движения полностью исключает возможность употребления согревающих напитков. На водку мне не дают. Но платят так же – по договору.

Мужичок в тулупе тоже томился в ожидании клиента. Так же был одинок на ночных улицах. Моя забота об автомобиле сродни его заботе о своей лошадке и повозке, и не известно ещё, что требует большей сноровки и сил. Сани зимой, коляска летом – беспокойства хватало. Забота о лошадиных копытах, вполне сравнима с нашей заботой о сохранности шин и своевременной их замене. В стародавние времена тоже встречались бедовые ребята, способные обобрать пьяненького и поживиться за счёт несчастного возницы. Дорога нередко таит неприятности.

Я совершенно не выношу, когда занятие это сравнивают с бомбометанием и говорят: поехал бомбить. Звучит вульгарно. Если уж бомбить, то не поехал, а полетел. Мой старенький жигулёнок мало похож на пикирующий бомбардировщик. Пассажиры мои тоже никак не ассоциируются с металлическими болванками. Я их не сбрасываю за борт, а высаживаю из своего автомобиля со всеми возможными предосторожностями, беспокоясь об их безопасности.

Когда я понял, что приличной работы мне не найти, на те небольшие деньги, которые у меня остались, после раздела с женой совместно нажитого имущества, я купил копейку семьдесят восьмого года выпуска. Хозяин уже не ездил на ней лет пять – по старости. Машинёшка пылилась в гараже.

Со стариком мне свидеться не пришлось: сделку оформлял его зять, под строгим контролем дочери. Они являли собой забавную пару. Он офицер – приехал в форме. Было видно – подкаблучник. Во взгляде его было что-то затравленное. Она же – крепко сбитая баба с широкой костью. Всё время она держала перед собой сумку с документами и, непременно, хотела продать машину с полным оформлением, без всяких доверенностей. До самого конца, до расчёта она просидела с нами в долгих очередях в МРЭО. Возможно, вокруг этой машины вертелись какие-то семейные неурядицы. Во всяком случае, офицер занимал в семье такое положение, что прикасаться к деньгам ему не приходилось: пять моих сто долларовых бумажек перекочевали прямым ходом в сумочку с металлической защёлкой, мгновенно занявшую своё место на животе хозяйки.

Это был, что называется, дедушкин автомобиль. Дедушка разбирался в автомобилях плохо. Зять его понимал тоже немного: восьмая модель Жигулей, на которой он подъехал к гаражу, брэнчала клапанами и щёлкала промятой подвеской. Оба – типичные автолюбители, обожающие поездки на дачу.

Антикоррозийное покрытие кузова не было сделано. От сквозного гниения машину спасло только то, что она никогда не эксплуатировалась зимой, а стояла в гараже, пол которого, видимо по соображениям экономии, не залит бетоном, а засыпан гравием. По такому покрытию неудобно ходить, но оно не дает влаги. На цементном полу, за двадцать с лишком лет, машина превратилась бы в сплошное сито. Я видел такие машины: сверху заводская краска в полном порядке, а снизу металл висит ключьями.

Купил я это средство передвижения сразу, как только увидел старый техпаспорт: ещё книжечкой, а не запаянный в пластик, и двадцать пять печатей – ровным столбиком и точно по клеточкам, одна к другой – свидетельство ежегодного и своевременного прохождения техосмотра. До этого мне такие чудесные паспорта видеть не приходилось.

Салон автомобиля украшали чехлы из весёленькой бязи с жёлтыми подсолнухами на сером фоне. Вклад бабушки. Чувствовалась рука, набитая на наволочках и занавесках. Автомобиль напоминал оранжерею. Безвкусица была того уровня, который вызывает восхищение. Мне неоднократно делали за эти чехлы комплименты. На женскую часть моей клиентуры они производили впечатление. Я даже постирал их однажды.

Для автомобиля, прошедшего всего шестьдесят тысяч километров, он был удивительно запущен. Саллинблоки переднего правого рычага дедушка раздолбал до звона. Срочной замены требовала и верхняя шаровая опора. Дедушка, видимо, как отъезжал от дома, так и пёр до самой дачи правыми колёсами по обочине дороги, позволяя всем себя обгонять.

Через месяц эксплуатации отказало втягивающее реле стартера, но произошло это исключительно удачно: на пандусе приёмного покоя больницы, куда я подвёз больную женщину и её мужа. В нашем равнинном городе не много наклонных плоскостей, по которым можно скатиться и с наката завести мотор. Господь отблагодарил меня таким способом, за то, что я с больной женщины не запросил много. Я приехал к себе и прямо у дома снял стартер. Реле имело жалкий вид: крышка была разбита и, кое-как стянута проволокой с какими-то подкладками из резины. Крепление гофра, воздушного фильтра держалось на одном болте и тёрлось о крышку реле, что не способствовало его сохранности.

На полке заднего стекла автомобиля я нашёл уголок с листами писчей бумаги, исписанной ровным почерком – каждая буква отдельно и чётко проставлена. Это были дедушкины конспекты статей из журнала «За рулём» и какие-то самостоятельные разработки. Дедушка

конструировал систему зажигания. Идея сводилась к тому, чтобы сделать искру многоступенчатой. Каждая вспышка должна была включать в себя несколько микро-вспышек.

Конспектировал дедушка и статьи о покраске кузова и борьбе с жучками. Он собирался покрасить свой автомобиль ещё раз, впрок, чтобы не ржавел, но идея за сложностью своей реализации не была осуществлена.

Почти неделю я провёл под автомобилем, прежде чем он был готов к работе, но усилия себя оправдали. Первый же выезд привёл меня в хорошее расположение духа, несмотря на то, что мой заработок был незначителен. Позже я понял, что он был попросту мал, но тогда он мне показался вполне приемлемым.

Для таких, как я, таксисты не враги. Понятное дело – они нас не любят. Какие-то деньги мы отбираем у них. Но столкновений с ними почти не бывает: у нас разные ниши. Их тарифы выше. Солидного клиента это не остановит, а мишура всякая их не интересует. С нами ездят те, кто попроще. Такси теперь радиофицированы. У многих мобильные телефоны. Водители собираются на определённых местах, в отстое, ожидая вызова. Лишь однажды я был участником некоего противостояния. Голосовала женщина, а мужчина в этот момент хлопнул дверцей раскрашенной рекламой таксопарка «Волги». Когда они сели в мой автомобиль, таксист сдал назад и загородил мне дорогу. Мужчина выругался, вышел, встал между моим капотом и его багажником, махнул мне рукой, показывая, чтобы я ехал. Я выехал во второй ряд. Мужчина быстро сел ко мне и мы поехали. Они не сошлись в цене: таксист просил шестьсот рублей – я поехал за триста.

Извозные, подобные мне, заметны сразу. Потрёпанный автомобиль – чаще всего «Жигули», реже «Волги» или «Москвичи» – в новом кузове, но встречаются и старые угловатости

Раньше в поисках клиента таксисты неторопливо катили вдоль тротуара. Времена изменились. Неторопливые возрастные дядечки сошли с пробега. Сейчас извозные летят по улицам чуть ли не на предельной скорости, не давая возможности себя обогнать, прижимая и подрезая конкурента. В центре города чуть зазеваешься, и к поднявшему руку пешеходу со всех сторон бросается несколько автомобилей. Как шакалы на жертву. Нередко, пока договариваешься с клиентом о цене и маршруте, за тобой останавливается одна, а то и две машины, ждут – вдруг ты почему-либо откажешься ехать. Такой хвост верный признак того, что в городе работы мало.

Извозом занимаются разные люди – вполне приличные и полная шантрапа. Несколько раз у Технологического Института я встречал розовощёкого мужчину, солидностью внешности он более подходил для директорского кресла. Он вёл себя достойно – смиренно дожидался подвыпившего клиента. И одет он был не как те, кто живёт с руля: вместо простоватой курточки, не привлекающей внимание отчаянных людей, на нём была приличная дублёнка.

Многие подхватывают пассажира попутно, возвращаясь с работы, или выезжают вечером на пару часов. У них, как правило, хорошие ухоженные машины. «Жена из дома выгнала, чтобы не мешал с любовником по телефону болтать», – сказал как-то про них, не без злости за отнимаемую работу, Никита. С наступлением ночи они пропадают. Среди них встречаются и люди в галстуках.

Но у тех, кто едет за рублём, машины попроще. Кузовной ремонт не делается вообще или делается кое-как – лишь слегка выправляют вмятины. Многие меняют элементы кузова и не красят их. Так и ездят пока не поржавеют. На фоне всё большего количества иномарок, такие машины бросаются в глаза.

Наши, питерские, ещё соблюдают приличия: что-то подкрасят, подклеят эпоксидной смолой, обольют замененное крыло или дверь грунтом. Джигиты из южных республик ничего не стесняются. Как люди садятся в такие машины? Желание поскорее добраться куда-то пересиливает инстинкт самосохранения. Но не только машины выглядят плохо, и водители в излюбленных тренировочных штанах, грязных свитерах и пахучих кроссовках – экзоти-

ческое зрелище. Многие имеют вид заспанный и предельно усталый: не спят, как следует, по нескольку ночей кряду. Прикорнут на часок за рулём того же автомобиля и дальше в путь на поиск нового простофили. Тяжёлые аварии происходят именно с ними.

Самым опасным временем для работы оказалась не ночь, а вечер, где-то между шестью и восемью часами, и раннее утро. Загулявший человек ночью метит домой под бок к любимой женщине. Приключений ему никаких не надобно. А под вечер пьяный кураж ещё в самом разгаре и требуется ещё что-нибудь необычное. Тоже и с наркоманами: зелье своё они ищут по вечерам. К ночи его либо нашли, либо свои поисковые возможности исчерпали. Это самая омерзительная публика. Пьяного человека понять не трудно. Он, по крайней мере, предскажем. Молодой придурок, уколотившийся какой-нибудь гадостью, куда опаснее.

Я полагаюсь на небольшой, но уже накопившийся опыт. Ну, например, ни в коем случае нельзя брать пассажиров, которым надо прокатиться туда и обратно: заскочить на минутку и вернуться – взять что-то. Скорее всего, едут за наркотой. Автомобиль для них хорошая защита. На улице могут остановить и обыскать. Найдут зелье – не поздоровится. В авто, если остановят, можно запрятать куда-нибудь наркоту. Найдут – не моё и всё тут. Ищите хозяина, где хотите. Тогда проблемы могут возникнуть и у водителя.

Другая неприятность – захват машины. Такое, чтобы ограбили под ножом или пистолетом, в последнее время редко случается. Хотя люди сведущие говорят, что бывает. Хуже всего, когда за дело берутся опытные уголовники. Они понимают, что с водителя им взять нечего. Кто повезёт с собой крупную сумму денег? В лучшем случае это будет ночная выручка. Но машина бывает нужна для всякой кутерьмы. Обычно один стоит – голосует, а двое других прячутся где-нибудь в кустах и выскакивают, когда первый уже договорился куда ехать. Денег вперёд не дают, или дают мало. А дальше начинается: сюда заехать надо – туда, здесь остановись, подожди – там постой. Сейчас денег нет, отдадим, когда приедем. И вид у них самый деловой: всё они чем-то заняты. Попытаешься от них отвязаться – начинаются угрозы. Оружие не достают, а так, обозначают его присутствие. Надо поймать момент и ускользнуть от неприятной компании. Денег от них всё равно не дождёшься. Никиту как-то прокатали целый день. Оторваться от них он не мог: в машине всё время кто-нибудь оставался. Отпустили его только под вечер.

Главное в извозе не довести клиента до места – это любой может – а его найти. Доставить на место – само собой разумеется, но это действие вторичное. Сначала надо найти того, кого доставлять и договориться с ним о цене.

У каждого своя метода поиска. Кто-то предпочитает стоять на людном месте, где-нибудь у метро или у крупного магазина, выжидая. Особенной популярностью, конечно же, пользуются вокзалы и аэропорты, где цены за посадку кажутся астрономическими, но там давно сбилась своя мафия, зорко следящая за тем, чтобы на её территории не появлялись новички и залётные волки. Своя публика толчётся у ресторанов, у ночных клубов и дискотек. Но большая часть, и особенно те, кто занимается извозом от случая к случаю, к определённому месту не пристают, разъезжая по городу. Эти везут куда угодно, всех, кто подвернётся. Я из их числа. На профессиональном сленге это называется работать трамваем.

В зависимости от склада характера и способности не спать, одни стараются работать днём – другие ночью. Конечно ночь с пятницы на субботу, когда уставшая от недельных забот публика, бросается в загул, зная, что впереди ещё два дня на выход из похмелья, самая точная. В ночь с субботы на воскресенье тяга ослабевает, а в будни просто отсутствует.

Шофёрская сноровка приходит быстро. Понимать с первого взгляда людей труднее. Сначала учишься выделять тех, кто может тебя «кинуть». Заметен вороватый взгляд, обозначающий нечестное намерение. Когда двое или трое молодых людей, со следами бурно проведённой ночи на лицах, заявляют, что у них только доллары, и надо заехать в обменный пункт – им не стоит верить. Различные варианты с оплатой по приезду, также чреватые обманом. Подозрительных лучше попросить заплатить сразу. В этом мы с Никитой трогательно единодушны.

Те, кто намерен заплатить, никогда не обижаются. Какая разница, когда платить: вперёд или по приезду? Деньги всё равно давать придётся. Встречаются и благородные гордецы, которым это не нравится, но большинство меня понимает. Кто платить не намерен – те выходят, не проявляя недовольства. Таких немного. Со временем я сделал привычку брать деньги вперёд почти со всех, за исключением уж совсем солидных пар и девушек беззащитных. Видимо моей системы придерживается большинство извозных – всё чаще люди сами платят сразу, не ожидая к тому приглашения.

Такой же, как я извозной под хмельком – я доставлял его от гаража до дома – словоохотливо рассказывал мне, как его кинула молодая пара. Они заботливо устроили на заднее сидение коробку от телевизора. Ехали через весь город. Пассажиры всё беспокоились об аппаратуре: не разбить бы, не поцарапать. Приехали на место. Сначала ушёл он, чтобы прикатить тележку, потом она, чтобы его поторопить. Через полчаса ожидания, парень полез в коробку – там кирпичи. Самое смешное было в том, что он опять встретил эту же пару, но уже с колесом: прокололи, срочно надо отвезти в шинку, а потом к машине, оставленной опять же не близко. Он его даже бить не стал, так его это всё насмешило.

Через пару месяцев мне попался похожий клоун, но с аккордеоном. Слишком легко удалось ему движение, когда он ставил объёмный кофр на заднее сидение. Сразу же сказал, что денег нет, но когда мы приедем, он поднимется в квартиру и принесёт деньги, а инструмент, как залог, останется у меня в машине. Я попросил его открыть кофр и показать музыку. С той же лёгкостью она была извлечена наружу, и последовали извинения за беспокойство.

Приезжающие к нам из бывших братских республик джигиты, тоже бывают нечестны. Видимо, горы оказывают своё влияние – высота, знаете ли! У многих не в порядке документы и они боятся милиции. Обычно голосует кто-то один, а потом просит заехать за своими товарищами, куда-нибудь на стройку или в общежитие. Мгновенно грузятся и сидят тихо. Любят вести разговоры о народном братстве. Вozить их было бы приятно – они настроены дружелюбно – но от них отвратительно пахнет и они не редко просят перевезти какие-то грязные матрасы и одеяла, на которых спят прямо на полу.

Таксисты часто хвалятся, что по внешнему виду, могут определить, как себя поведёт пассажир. Не знаю... Нетрудно и ошибиться. Случается, что люди, находящиеся в сильном подпитии ведут себя, на первый взгляд, удивительно трезво, а потом их развозит до безобразного состояния. Или приличный с виду человек, названивающий по сотовому телефону, окажется манерным хамом. Со временем начинаешь чувствовать, далеко ли собирается ехать стоящий у дороги человек, и как он заплатит, но и здесь не всё однозначно. Больше всего денег за разовую поездку мне отвалил скромненько одетый паренёк. Он очень беспокоился о своей подружке, которую мне доверил отвезти поздним вечером домой: пока мы ехали несколько раз звонил по сотовому – проверял всё ли в порядке.

Молодых подвыпивших парней, бывает, разводят едущие с ними девицы. Один дал своей подруге тысячу рублей, чтобы она сходила в ларёк за пивом – она не вернулась, а он остался совсем без денег и я дал ему двадцатку на метро.

Иногда, для развлечения, я пытаюсь по внешнему виду понять какая у моего пассажира специальность. В лучшем случае удаётся определить какие-то группы профессий. Людей умственного труда отделить просто. По некоторому лоску и приятности в общении определяются те, у кого на работе широкий круг общения. Легко отличить моряков по загульному поведению и желанию хорошо заплатить. Они сами заговаривают о своей работе. Моряки общительный народ.

Безошибочно я научился отличать только поваров. От них пахнет кухней. От работающих в дорогих ресторанах аромат тоньше. Одежда работников простых заведений пахнет дешёвым растительным маслом.

В мою машину попадают люди и побогаче, с особым норовом, и совсем бедный люд, считающий каждый грошник, но нуждающийся в авто. Эти чаще всего, опаздывают куда-то или же отмечают какой-нибудь праздник и им хочется доехать с удобством, подчёркнув приятность момента.

Лица клиентов запоминаются редко, а вот какая-нибудь случайно брошенная фраза, бывает, врезается в память. Мне, например, запомнилось как один сибиряк, удивился тому, что разводят все мосты. Он считал, что один мост можно было бы оставить сведённым для проезда транспорта. Другой гость из Самары удивился тому, что в Питере по-русски говорят без акцента.

Извоз не помогает узнать лучше людей. В целом нет. Люди, за время поездки, успевают открыться только с одной определённой стороны. По пьяному делу многие пытаются рассказать всю свою подноготную. Объём материала, как правило, превышает возможности рассказчика и его заклинивает на одном месте, и дальше следует повтор одного и того же. Один паренёк, мальчишка ещё совсем, рассказывал мне, как он гнал лошадей из-под Хабаровска в Подмоскowie. Он так долго говорил мне об этом на разные лады, что я перестал ему верить. Я даже засомневался: были ли лошади, и приходилось ли ему ставить ногу в стремя.

Бывают и поучительные наблюдения над нашей обыденной жизнью. Весной я вёз пожилую пару. Они уселись чинно – солидно. На нем был приличный костюм с белой рубашкой и галстуком, а поверх плохонькое пальтецо, как будто он скрывал свой недостаток. На ней была дорогая шуба. Скорее не так всё было: на шубу жене и костюм денег хватило, а пальто для себя не потянул.

Мы не проехали и квартал, как она набрала номер на сотовом:

– Доча, ты уже дома? – один из вопросов, которые обычно задают по сотовому телефону.

– Спроси, дома ли Михаил или на корпоративе? – встрял мужчина.

На его слова она не обратила внимания, закончила разговор и щёлкнула складной трубкой.

– Его нет дома.

– Ну, разве можно прийти в пятницу домой раньше четырёх ночи, – веско замечает мужчина. Она только хмыкнула в ответ и добавила:

– Наигрался уже ребёнком и хватит.

В зеркале я видел её лицо с поджатыми губами, на повороте специально обернулся посмотреть на её спутника: такое же выражение на лице, что вырабатывается долгими годами совместной жизни. Я пожалел Михаила.

Пассажиры могут поднять и одинаково испортить настроение. Попадают и разговорчивые и молчуны. Разговорчивые запоминаются лучше – молчуны, за редким исключением, не запоминаются вообще.

Из молчунов я запомнил пару друзей. Сели в автомобиль и тот, кто был на переднем сиденье, заявил:

– Сегодня мы овощи.

Потом дал денег и оба мгновенно заснули. Всю дорогу они спали тихонько, как мышки. Когда я привёз их и остановил машину, они не проснулись. Я потрепал за плечо того, что сидел рядом. Он вскинулся:

– Как уже приехали? – И взялся за ручку двери. Второй тоже пришёл в себя:

– Надо деньги давать?

– Не надо, я уже заплатил, – ответил первый.

– Я тоже хочу. Ты сколько дал – двести? Я тоже дам двести.

Он полез в карман и вынул две сотенные бумажки.

– Но, я же уже дал мастеру деньги, – протест был вялым.

– Дискриминация по национальному признаку, – заявил второй, – не возмётся – обращайся в милицию.

Я взял.

– Не обижайся, пожалуйста.

Я не обиделся. Они вышли, обнялись и, со второго шага, дружно затагнули: «По долинам и по взгорьям...» У них получалось слаженно.

Среди разговорчивых наблюдается большее разнообразие. Служащие после корпоративных вечеринок, с удовольствием делятся секретами своих профессиональных отношений. Военные всегда бахвалятся. Гражданские лица чаще касаются политической тематики. Подгулявшая в клубах публика очень болтлива, да и многие трезвые пассажиры, чтобы не заскучать, поддерживают беседу.

Расскажу ещё о нескольких пассажирах, из тех, кто запомнился.

Мужчина средних лет – одет с иголки. Провожавшая его пара долго прощалась с ним. Триста рублей за довольно короткий отрезок пути. Они требовали, чтобы я поехал за меньшую плату, но он остановил их. Только мы тронулись – начался пьяный бред. Он морской пехотинец, он десантник, он больше сотни раз прыгал с парашютом, он мастер рукопашного боя. А его воспитанники теперь подались в бандиты.

– Что им ещё делать? – сбивался он на крик и хотел ещё добавить водочки – просил остановиться. Ребята у него хорошие – пальцем никого не тронут. Бандиты – да! Но это совсем не значит, что они подонки. Никто из них женщину не обидит. Потом он стал хвалиться, что знает в городе каких-то авторитетов, и ругал сволочей демократов. Раньше, при твёрдой руке, всё было по-другому.

Ехал со мной и контрабандист, только что вышедший из тюрьмы. Он спросил у меня: сидел ли я? И потом всю дорогу твердил, что не уважает меня за то, что не было у меня такого поучительного приключения.

Ехал несчастный влюблённый – не хватило денег заплатить за стол в ресторане. Отмечали день рождения его девушки. Пришло время платить, а у него на кармане всего три тысячи. Очень кручинился.

Серьёзные разговоры ведутся редко. Если говорят о политике, то больше в ругательном тоне. Запомнился преподаватель гуманитарных дисциплин, как он отрекомендовался. Ему было безразлично, что преподавать студентам. «Какая разница? Им всё равно не интересно».

С пассажирками часто возникают разговоры о взаимоотношении полов. Едешь за деньгами, но глаз фиксирует хорошо скроенную фигуру и тонкий профиль. Многие извозные пытаются завязать знакомства с целью дальнейшего их развития. Я стараюсь не делать этого. Исключения как, например, с моей подружкой – девушкой ветерком – редкость.

Как-то раз ко мне села женщина с авоськой, из которой торчал рыбий хвост. Она была в тупоносых истоптанных сапогах, затрапезном пальтишке – лицо испитое. Ехать рублей на двести. Она и предложила мне:

– Давай я тебе заплачу не деньгами...

Я наивно поинтересовался:

– Чем же?

– Ласками, любовью.

Я предпочёл деньгами.

Вёз я интересную даму, сочиняющую книжки о половой проблематике – сама так отрекомендовалась. Она была продуманно и дорого одета. Светло бежевое пальто, широкий шарф, замшевые перчатки, кокетливая сумочка. Деньги за проезд предложила хорошие. Уселась, раскрыла элегантный телефончик, и давай трещать.

Она возвращалась от мужчины, с которым её свели для установления серьёзных отношений. Инициатива исходила от его матери. Он кандидат наук, ему почти сорок. Обеспечен.

Женат никогда не был. Тут она хихикнула – полный кошмар. Такого она ещё не видела. Ну, нет, она никак не согласна. Да ещё мама. Она завтра расскажет всё подробно.

Набирает другой номер и быстро договаривается с кем-то о встрече. Она приедет к нему прямо сейчас.

– Вы провезёте меня на пару остановок дальше? Я доплачу.

Конечно, провезу, в чём же дело. Она осведомляется можно ли в машине курить. Я разрешаю. Затягивается и никак не может успокоиться:

– Вот съездила. Не мужик, а мокрица какая-то. Это даже не маменькин сынок. Она ему чайник на стол не позволяет самому поставить. Всю жизнь игралась с игрушкой, теперь ищет дуру, которая согласится с этим плюшевым мишкой жить дальше. Кто с ним носиться будет? Кандидат каких-то там технических наук, похоже, никому не нужных. Обеспечен? На бывший совковый манер: двухкомнатная квартира и двадцать тысяч в месяц.

Дальше она рассуждала о мужьях сёстрах и жёнах матерях. Говорила она очень авторитетно.

И кроме неё было несколько экзотических пассажирок. Запомнилась, например, одна симпатичная девица, двадцати семи лет. Судя по внешности, она не врала о своём возрасте. Она была очень пьяна. Её провожал решительно настроенный и хорошо одетый молодой человек. Они долго прощались. В открытую дверь было слышно, как он ей сказал что-то по-английски. Она пыталась сморозить в ответ какую-то английскую фразу, но словарного запаса не хватило. Когда мы отъехали, она долго искала в сумочке телефон, и просила меня вернуться назад. Я поменял в магазине пятьсот рублей – у неё не было никаких других денег, а у меня не было сдачи. Найдя телефон, она расплакалась и сказала, что стесняется, что так сильно пьяна. Я же подумал, что эти слёзы от невозможности вернуться к тому, кто провожал её. С ней раньше ничего такого не было. Её муж много моложе её, – она повторила это несколько раз, – ему всего двадцать один год. Весь этот ералаш она закончила заявлением о том, что к ней в детстве – она была тогда в первом или втором классе – с сексуальными намерениями приставал отец.

Приятно возить усталый рабочий люд, в позднее время добирающийся домой. Первого такого пассажира я хорошо помню. Он сложил на коленях ещё черные от машинного масла руки. Лицо было бледным. Сказал куда надо и не проронил больше ни слова.

Из ночных клубов часто приходится возить весёлых пьяниц. Среди них немало приличных ребят, разминающихся после работы. Эти не матерятся и хорошо платят. Гульба – дело добровольное и должна приносить радость. Хуже, когда приходится везти народ попроще, выбравшийся себя показать. Этим надо надраться до безумия. Они и трезвые достаточно косноязычны, а уж под действием вина изъясняются исключительно при помощи мата – навязчивого и однообразного.

Ещё хуже завсегда и ночных заведений. Говорят они на особенном сленге, составленном из английских и русских матерных слов и совсем невинных, школьных словечек вроде известного «прикола». Обсуждаемые темы – одна похабщина, с жопами, сиськами, тёлками и пидарами – об этом непременно. Одеты они всегда вызывающе и, чаще всего, безвкусно.

Не редки и розовощёкие юнцы – комсомольцы в четвёртом поколении. Наглые, самоуверенные. Явились на всё готовенькое и ненавидят прочую шваль, которой такого счастья не выпало. Меня всегда удивляла их уверенность в своём праве командовать другими людьми.

В хорошем настроении они дают ностальгическую ноту. Добрые старые времена они знать не могут: малы были. Но аргументы из того времени приводят: дешёвая колбаса, бесплатные пионерские лагеря, постоянные цены на хлеб и водку. Теперь на прилавках магазинов много товаров, а купить не на что. Чем лучше, когда купить есть на что, но пусты прилавки? Почему-то никто из них не вспоминает, что младшему научному сотруднику платили по сто рублей в месяц. Пенсионеры получали по тридцать пять рублей. Жизнь требовала жёсткой экономии. Иногда, в случаях особо выраженного фанатизма, для пушей убедительности я говорю,

что на такую пенсию жила моя бабушка. Я её не помню. Она умерла, когда я был маленький. Это чтобы поквитаться с молодым пропагандистом.

Попался мне как-то и агитатор женского пола. Села в машину, поправила полы длинного плаща. Сложена прекрасно: стройна и выступает заметная грудь. Голос приятный, хотя звучит чуть глуховато. Диалог наш развивался по законам жанра.

– Обычно я беру деньги вперёд, – обращаюсь я к ней, – но с Вас не буду. Вы ведь от меня не убежите?

Она улыбается.

– Да я пассажир не опасный.

– И удобный, – добавляю я, – мы с Вами соседи.

Это действительно так – ей на Пискаревский проспект.

– У нас хороший район. Такой зелёный. Сестра моя недавно вышла за нового русского. Он купил квартиру, теперь в антикварных лавках мебель подбирает. Как хорошо было раньше: не было ни бедных, ни богатых. Жили так дружно, одной семьёй, и всё поровну.

Тебя бы на месяц-другой в коммунальную квартиру с соседями алкоголиками, – думаю я, – у них, точно, выпивка делится поровну. По-другому бы запела.

– А мне нравится, что люди квартиры покупают.

– Но ведь это не всем доступно. Вот Вы, например, с извоза таких денег не заработаете.

– Почему же? Не на этом, так на чём-нибудь другом заработаю.

– Раньше всем путёвки бесплатные предоставляли.

– Не всем.

– Ну, кто хотел, те получали.

– Не кто хотел, а кому давали. – Я произношу это довольно резко, мне не хочется слушать про колбасу по два рубля двадцать копеек и коньяк по четыре двенадцать. Но дальнейшее несколько обескураживает меня.

– Мне кажется, – говорит она проникновенно, – таким людям как мы надо объединяться, чтобы поставить заслон всему этому зарвавшемуся вору. Надо создавать организации. Вы согласны со мной?

– С вами я бы объединился – ненадолго. – Отвешиваю я, не моргнув глазом.

Она недовольно морщится:

– Вопрос был задан серьёзно, товарищ!

– Ответ тоже не шутка, – говорю я.

Устанавливается неловкая пауза. К счастью мы уже подъезжаем. Она берётся за ручку двери, чуть медлит. Я выжимаю сцепление и включаю передачу. Она понимает намёк и выходит.

В боковом зеркале я вижу её фигуру, а из колонок, как нарочно, несётся песня про смуглянку молдаванку и партизанский наш отряд. Обложили со всех сторон – подумал я не без сарказма.

Прошла уже неделя, как брата выписали из больницы.

Вместо Аптекарского огорода, куда мы собирались для совершения полезного променада, брат с таинственным видом просит отвести его в цех. Интрига в том, что врачи запретили ему даже думать о работе. Если Папуля узнает о нашей поездке, то очень расстроится. Мы не хотим его огорчать. Иногда мы играем в детство: делаем вид, что боимся нашего, уже не способного ничего нам запретить старика.

Я впервые в цеху брата. Когда-то здесь располагалось большое транспортное предприятие. Из-за забора виден ангар – разрезанная пополам металлическая бочка огромных размеров.

В ангаре, по центру установлен станок. Он кажется маленьким в этом помещении. Вдоль стены камера для сушки дерева – два составленных торцами автомобильных контейнера. Внутри её уходят широкие рельсы, как на железной дороге.

Входные двери открыты. Сразу за ними, накренившись на спущенное колесо, стоит погрузчик. Поперёк прохода лежит развалившаяся пачка досок. Женя, наш двоюродный брат по линии матери, пристраивает домкрат. Мы видимся редко и здороваемся сердечно.

– Опять колесо? – спрашивает брат.

– Не пойму, что с фрезой делается, станок гонит одни заусенцы. Вроде точили недавно.– Вместо ответа произносит Женя. Со станда с готовых изделий он берёт плинтус и протягивает брату. Товар никуда не годится: весь в рытвинах и заусенцах. Лицо брата делается обеспокоенным. Он склоняется к неработающему станку.

– Ну-ка сними фрезу, – обращается брат к рабочему безучастно стоящему рядом. Тот нехотя идёт за гаечными ключами и крутит гайки. Через две минуты металлический круг с острыми лезвиями у брата в руках. Он поднимает его на уровень глаз. Женя тоже пристраивается и заглядывает через его плечо. Рабочий, снявший фрезу – он стоял в двух шагах от меня – не стеснясь, фыркает.

Я отхожу в сторону к сушилке. Размеры её непомерны. По рельсам, ведущим внутрь, катается вагонетка. Сколько же леса потребуется на одну загрузку? Одним станочком его придётся долго обрабатывать.

Брат кликает меня: Поехали!

Женя, догоняя брата, просит деньги на заточку фрезы. Сморщившись, брат достаёт кошелек.

В машине я говорю ему о том, что меня обескуражило в цеху: площадь его велика, и за аренду, по-видимому, приходится платить не малые деньги; сушилка большая, а обрабатывающий станок один.

– Меня это не волнует, – бодро заявляет брат, – Беспалый платит.

Кто такой?

– Есть один деятель. Ему где-то на лесоповале указательный палец оторвало. Вот погоняло, как он выражается, и привязалось. Из бывших фарцовщиков. Сейчас у него два своих магазина и ещё какой-то заводик. Ему до этого цеха и дела нет. Говорит, что прихватил ангар по случаю, и теперь хотя бы аренду отбить. Прибыль его, по большому счёту, не интересует.

Это хорошо, коли так. Но брата денежная сторона дела должна беспокоить. У него этих магазинов нет, а деньги, наверняка, не ему, так его актёрке потребуются. Любовь то – она хороша и в шалаше, и на облаке, но за десять лет погодные условия могут измениться.

Мы уезжаем на огород (истинный петербуржец – иначе это место не называет) и совершаем обычный наш променад по тоскующему осеннему саду.

Брат впитывает тишину и умиротворение. Лицо его принимает выражение полного покоя. Живительные соки, поднимающиеся от корней к листьям, румянят и его щёки. Но мысли его заняты чем-то другим. Рост дерева или какого-нибудь куста, не увлекает его воображение. В холодную осень в растениях нет мощи распускающейся жизни – лучше выражена способность сохранять себя в тяжёлых условиях.

Обязательный пункт нашей программы – посещение местной закуской. Входишь и прямо перед тобой буфет, как на железнодорожных станциях. На нём установлен большой гриль, в котором на вертелах крутятся куриные окорока, подсвеченные электрической лампочкой. С окороков капает жир и шипит, попадая на тэны. По стенам на уровне груди взрослого человека пристроены полочки, с таким расчётом, чтобы посетители принимали пищу стоя, не задерживаясь надолго. Торгуют пивом и сигаретами. Чай и кофе наливают в полиэтиленовые стаканчики.

Неподалёку Санкт-Петербургский Университет Электротехнической промышленности, бывший ЛЭТИ, как я его. Когда там заканчиваются лекции, в закуской делается шумно – студенты ватагой подсчитывают деньги на пиво. Девушки – все без исключения – кажутся мне хорошенькими, а юноши глуповатыми. Глядя на них, я чувствую нашу почти двадцатилетнюю разницу в возрасте. Они шумят, пьют, смеются, хрустят чипсами и пропадают так же внезапно, как появились. Брат не любит их шумные набеги, и мы стараемся попадать в заведение пораньше, до окончания лекций, но сегодня мы припоздали – заезжали в цех.

Мы долго выбираем курочку, советуясь с кокетливой буфетчицей. Она посмеивается: брату нужна курочка с толстыми ляжками. Он придирчиво следит за тем, как нам взвешивают салат из свежей капусты и подозрительно присматривается к пончикам. «Вредная пища», – поясняет он, но позволяет себе один. Я беру четыре. Не спеша, вкушаем мы пищу земную и настроение наше безмятежно.

Мы вытираем руки грубой бумагой, нарезанной вместо салфеток. Следующий пункт – цветочный магазин. У брата разработан план по переделке его лоджии. Пока он беседует с продавцом о комнатных растениях, я прохаживаюсь вдоль стены оранжереи.

Помимо закуской и цветочного магазина, мы обязательно посещаем ещё одно место. В самом конце сада сходятся углом металлические ограды. Река Карповка выделяется здесь из Большой Невки. По их набережным движется нескончаемый поток автомобилей. Городская суэта пронзительными гудками и шелестом шин разрывает тишину сада. Пятачок живой природы, с двух сторон охвачен нахрапистым движением. Занятое сочетание покоя сада и грохота авто.

Брат, проходя мимо скамейки, с витыми железными ручками, с каким-то напряжением поглядывает на неё. Иногда мы останавливаемся метров за сто. Тогда брат достаивает тупик сада и скамейку долгим взглядом. Я уверен, что и сегодня мы пойдём в ту сторону.

Из магазина брат выходит окрылённый новой идеей: надо установить на балконе плоский ящик и выращивать в нём мхи. Северный мох даст интересное сочетание с каким-нибудь южным экзотом. Он говорит ещё что-то. Я не слушаю: жду, в какую сторону он свернёт. Брат чешет прямым к скамейке. Метров за пятьдесят до неё он спохватывается.

– Сколько времени? – с волнением спрашивает он.

Я говорю сколько.

– Мы же можем опоздать к Марине.

На том прогулка заканчивается.

* * * *

Близилась ноябрьские праздники. Тогда их уже не отмечали, а так, вспоминали, что были такие когда-то. Предпраздничное волнение не охватывало город, как это было в детстве моём.

Мне повезло: пришлось пожить в разных социальных формациях, и особенно мне повезло, в том, что их смена произошла без кровопролития. Меня тихо радует, что во всём этом я не принимал участия. И хотя нелепица перестройки прокатилась по моему незатейливому существованию шипованным колесом, перемены общественного устройства вызывают у меня сочувствие. Позиция постороннего. Старательно выпестованная позиция. Мне с пелёнок внушали, что я шплинт незначительный в общем поступательном движении к светлому будущему. Так и было – я стоял тихонько на назначенном номере.

Всю неделю я провел, тоскуя в автомобильных пробках днём; и на чёрных мостовых вечерах, в конкурентной борьбе за клиента с такими же бедолагами – сидельцами поздними – как и я, надеясь, что подгулявшая публика обеспечит мне приличный заработок. Но взятки составил не больше обычного. Это вам не Новый год.

Для меня понятие праздника прочно связано со вкусом салата оливье. Хочется даже написать это слово с большой буквы. Без него не обходилось ни одно важное застолье. Блюдо это мама готовила с докторской колбасой – так получалось дешевле. Уже взрослым, я несколько раз приносил к столу мясо, и она мелко резала его и запускала в салат. Так было сытнее, но вкусовой эффект терялся и она оставила эксперименты: покупала колбасу, ту самую – за два двадцать, а мясо жарила отдельно. Ещё мама готовила торт Наполеон из семи коржей, пропитанных кремом.

Голос диктора чеканил лозунги в холодном воздухе. Казалось, что он несётся отовсюду. С утра в телевизоре строгие шеренги солдат, построенные для парада. Брат вместе с отцом усаживался перед экраном. Они внимательно смотрели получасовое шоу, демонстрировавшее наше могущество. Я не был так воинственен и пропускал поучительное зрелище, предпочитая кухню. Толку от меня там было мало, я только перехватывал куски повкуснее, изображая активную помощь маме в приготовлении праздничного стола.

Отец и мать никогда не ходили на демонстрации. Пройти мимо трибун можно было только с колоннами от предприятий. Для этого надо было рано приехать в назначенный пункт сбора и долго идти по морозному городу в толпе, часто останавливаясь, чтобы пропустить другие колонны. Отец был для этого ленив, а мать не ходила – и всё. Она готовила праздничный обед, который постепенно превращался в праздничный ужин.

Основательно заправившись салатом и тортом, мы с братом плескались на улице, оставляя взрослых допивать откупоренные бутылки. Мы отирались у милицейских автомобилей, перегораживающих улицы так, чтобы людской поток направлялся в определённую сторону. За них никого не пропускали. Сама демонстрация нас интересовала мало. Каждый год мы видели всё это по телевизору: люди шли по площади сплошным потоком, несли транспаранты, флаги, фотографии вождей; часто камера поворачивалась к трибунам, и руководители, в габаритных пальто и шляпах делали народу приветственные жесты.

Партийная карьера моего бывшего чуть не рухнула. Он приказал сложить всю агитационную мишуру – транспаранты, флаги – в микроавтобус, и оставил его на улице, перед входом в контору. Рафик украли. Но он вывернулся: на свои деньги купил у спекулянтов цветов и украсил колонну. На праздничном ужине он нарезался в стельку, и несколько раз с гордостью рассказывал нам, как его фамилией заинтересовался сам Романов, тогдашний первый секретарь обкома. Всем понравилась скромность, с которой прошла мимо трибун колонна.

Тесть пьяно вис у меня на плече и спрашивал, как нужно питаться, чтобы немного потолстеть. В молодости он занимался спортом – сохранил с годами стройность фигуры и не вписывался габаритами в начальство повыше рангом. Там все были пузатенькими такими здоровяками.

Нам с братом нечего было демонстрировать. Нас привлекала праздничная необычность города. Можно было ходить по Невскому проспекту – движение транспорта по нему перекрывали – не опасаясь попасть под машину. Гуляющий по улицам народ нёс в руках цветы, надувные шары, флажки. Дети играли раскидаями – маленькими бумажными мячиками, наполненными опилками и привязанными на резинку. Бросишь его в сторону – резина растянется, сожмётся и вернёт его точно в руку.

Как-то раз, улучшив момент, я забрался на капот стоящего в оцеплении грузовика. С набережной Мойки мне видна была вся Дворцовая площадь, полная, как чаша водой, человеческой массой. Динамики резко и кратко выкрикивали лозунги. В толпе люди не имели лиц. Почти все были пьяны, и потому держались веселее обычного. Пьянство, при наличии патристического подтекста, не осуждалось.

Мне стало не по себе: толпа дышала и двигалась неровно, и, казалось, легко могла выйти из подчинения. С этим сгустком человеческой энергии ничто бы не совладало. Бодрые толстячки на трибунах, наверняка понимали, что многочисленные наряды милиции не смогут

защитить их. Я верю в упорные слухи о том, что под Эрмитажем, собирались прорыть туннель, и заводить во время демонстраций в Неву подводную лодку, спасать народных избранников, при необходимости. И никаких не вызывает сомнений у меня то, что внутри трибун было устроено помещение, оборудованное для принятия рюмочки – другой коньячку под икру, красную рыбку, и с обязательной долькой лимона. Время от времени кто-нибудь пропал из шеренги. Вскоре он появлялся с порозовевшим лицом, более прежнего устремлённым к светлому будущему.

Былой праздничной помпы теперь нет, но на улицах появляется весёлая публика. Необычно много молодых людей и девушек голосуют и просят подвести бесплатно. Много пьяных, желающих проехать из конца в конец города за деньги малые, или даже смешные. Одна барышня предложила мне за поездку от метро «Чернышевская» на остров Кронштадт пятьдесят рублей. Мне хорошо запомнилась уверенная интонация, с которой это было произнесено. Джентльмены с опухшими физиономиями, учтиво просят подвести поближе к дому. Встречаются и приличные трезвые люди. Как правило, они едут семьями в гости или из гостей. Это приятная публика.

Работа моя шла вяло. То перехватят клиента прямо под носом, то усядется какой-нибудь экономный пьяница – водка в разряд экономии не входит. В какой-то момент настроение моё совсем испортилось, но его выправил следующий пассажир.

На Московском проспекте я завернул на заправку, залил бензина и купил пачку сигарет. У нас теперь, как на западе: и выпивку можно на заправке купить и еду. Я расплатился и подошёл к машине – тут он меня и окликнул:

– Довези до угла с Ленинским.

Не слишком вежливое обращение, но почему бы не довести? Я назвал цену, он согласился.

Парень был в крепком подпитии и оказался весьма разговорчивым. Он сразу начал с памятника Ильичу и заявил мне, что если я не знаю одной его особенности, то я не питерский человек. Я, было, обиделся – со мной так не надо, но любопытно стало, что за особенность такая. Оказалось, что под определённым углом кепка в левой руке, трубочкой свёрнутая, смотрится как детородный член.

Я пытаюсь вспомнить фигуру вождя, но моей наблюдательности на такую мелочь не хватает. Любовь народная дело многосложное – иногда она выражается самым неожиданным образом. Мы подъезжаем.

– Вот, – радуется мой пассажир, – уже показался. Вперёд. Тихонько. Вот сюда к дому. Ещё вперёд, ещё. Вот! – победно вскрикивает он, – смотри,

И, действительно, бронзовый вождь руку со свёрнутой трубочкой кепкой держит у бедра и кепка, при этом, кое-что напоминает.

– Случайность? Нет, – не унимается мой пассажир, – те, кто памятник отливал, видели, что у них получается. Чуть сдвинь, чуть согни в локте и эффект пропадёт – кепка из-за бедра не видна будет. Сделано нарочно. Спросят – не доглядели. Не Сталинские времена, не расстреляют. Дали писал о своём вождении к ляжкам фюрера, таким округлым на многих фотографиях. Я испытываю тоже к Ильичу. А ты?

Нет. Ничего подобного я не испытывал.

* * * * *

Дня через два, мы с братом прилипаем в пробке у Финляндского вокзала. Брат опять не в своей тарелке. Я догадываюсь, с чем это связано, но не говорю ему ничего.

Мы медленно продвигаемся вперёд мимо главного входа. Задом к нам памятник Ленину – уже другой. Их в нашем городе в достатке. Чтобы как-то развлечь брата, я рассказываю ему о своём пассажире. Брат хмыкает:

– А этот чем лучше? К народу задом, а к КГБ передом. И ещё рукой на него указывает. Вот где вас ждёт светлое будущее.

– По-другому то, как поставить? Спиной к Неве тоже не хорошо.

– Так и не ставили бы вовсе, – буркает брат. – Хотя почему бы вождю не указывать на опору нашей государственности? В России власть к народу передом никогда не стояла. Архитектура искусство символическое. Вождь на марше – возглавляет колону. Выходишь из метро и присоединяешься к общему движению. Но что-то большинство к нему присоединиться не спешит. Многие норовят шмыгнуть куда-то в сторону, на улицу Комсомола, например, воспитанники которого первыми и разбежались. Чем тебе не символ?

В ангаре, – мы теперь заезжаем туда, не вспоминая о медицинских запретах, – рабочие встречают нас молча. Брат не выказывает порыва к общению, проходит сквозь них и заглядывает в сушилку.

Не комментируя увиденное, он поворачивается ко мне:

– Пойдём, посмотришь ещё одно помещение.

Я предусмотрительно открываю перед ним дверь, и мы выходим на улицу. Огибаем здание гаража. Ещё одна дверь. В этом помещении станков больше, но каждый размером поменьше и, видимо, другого назначения. У одного из них закручивает какую-то гайку щупленький паренёк. Когда он улыбается, неприятно обнажается неправильный прикус: зубы выдаются вперёд.

Ну, как дела? – бодрясь, спрашивает брат, пожимая ему руку.

– Какие дела – ты дерево видел? Гниль одна.

– А ты чего не поехал, когда покупали? – изменившийся тон выдал отношение к нему брата.

– А я чего? – ответил он запальчиво. – Мне это надо? Мне ещё пять дверей сдавать до понедельника.

Он рукой указывает на стену, к которой прислонены дубовые двери с большим количеством разных завитушек и накладок.

– Ты такое где-нибудь видел? Хозяин антикварного магазина заказал, дружок нашего беспалого. Там, видите ли, в начале века такие стояли, так ему теперь надо, чтобы они на месте были в конце следующей недели. Я домой раньше часа ночи не приезжаю.

– На пару часов всё же мог бы отвлечься, – бросает брат, неприязненно рассматривая его работу.

– Женя прораб. Он занимается закупками. – Лицо парня выражает убеждённость в своей правоте.

– Ну ладно, пусть так и будет, – брат опять широко улыбается – он само добродушие. – Принесли раму?

Столяр кивает в ответ. В углу стоит замотанная креповой бумагой и перевязанная верёвочной рамой. Брат забирает её, и мы прощаемся. Руки у него заняты, они обходятся без прощального рукопожатия.

Мы выезжаем со двора и брат с гордостью в голосе сообщает:

– Без меня ничего не могут. И двух месяцев не прошло – всё кувырком. Деревяшки нормального купить не смогли. Теперь недели две проработают бесплатно. Гнилуху будут отработывать. Бабки подсобьют, по сто рублей на нос выйдут.

У брата очень уверенный вид. Он всегда уверенно выглядит, когда речь заходит о его делах. Сомнения в его компетентности не допускаются. Нельзя подрывать эту уверенность.

Мы вырываемся из промышленного однообразия Выборгской стороны, пробравшись мимо завода, изобретателя динамита Нобеля, и чинно катим на огород, где брат, делает стойки перед мхами и рододендронами. По дороге он успокоился. Сегодня он проводит время с большой пользой, наблюдая за произрастанием растений.

Я не люблю ботанику. Мне не хватает терпения, чтобы дождаться видимых изменений растений. Сегодня они выглядят так – и этого мне вполне достаточно. Какими они станут через пару недель или месяц, какова динамика их роста мне не интересно. Но, чтобы не заскучать, я выбираю какое-нибудь дерево и стараюсь представить себе, как оно выглядит в естественных условиях, где-нибудь в Канаде или Корее. Я засаживаю им сначала небольшую поляну, потом воображаю себе целый лес. Но сегодня мне не удаётся зацепиться воображением, ни за ели, ни за лиственницы.

«Если он может почти два часа шастать по саду то, наверное, мог бы разобраться и с поставкой дерева», – думаю я. Но потом я стыжусь своей мысли: грешно винить в недостатке оперативности больного человека. Это от погоды – успокаиваю я себя. С каждым днём всё холоднее и гулять по огороду уже не так приятно.

То же чувствует и брат:

– Пойдём, погреемся, тут есть музей.

Надо пройти через дворик. В воротах, мы встречаем двух женщин – клух в старых пальто. Одна из них, не видя в нас угрозы, быстро наклоняется и выдёргивает из земли какое-то растение и прячет его в авоську.

– А что будет с садом, если каждый возьмёт по веточке? От нашего прекрасного сада ничего не останется. – Брат говорит это громко и чётко, с металлической ноткой в голосе.

Женщины смотрят на него огорошено, испуганно переглядываются, ища друг у друга поддержки. Но брат достаёт из кармана точно такой, же мешочек как у них, и так, же воровато оглянувшись, дёргает из земли и прячет какой-то корешок. Женщины хмыкают.

– Ты был лицемерен, – говорю я брату, когда мы отходим в сторону.

– Отнюдь, – парирует он, – я хочу попробовать посадить дома эти травинки, и, одновременно, желаю саду процветания.

Мне нравится его настроение и бодрость, звучащая в голосе.

Музей оказывается закрытым. Мы попадаем только в предшествующий экспозиции зал, со стендами, с семенами каких-то злаков, и засушенными растениями, привезёнными сюда из южных стран.

– Шпионы, – говорит брат, – кругом шпионы, шуруют по всему свету, изучают сельскохозяйственный потенциал врага. Стратегическая информация на случай войны, – игривое настроение не покидает его, – давай позвоним в звоночек на входе и скажем, что в полночь упадёт звезда.

Холод осеннего дня не располагает покидать тёплое помещение, а звонок в дверь и сообщение пароля может прервать наше уютное пребывание в помещении. Я не выказываю желания нажать на кнопку звонка. Я облакачиваюсь о витрину – на хорошо сработанную, прочную витрину, с толстым стеклом, вполне способную выдержать возложенную на неё часть моего веса. В ней экспонаты из Полинезии. Мне видится яркое солнце, широкий океан, берег, изрезанный прозрачными лагунами. Голубое небо накрывает меня, я уже ощущаю высоко над собой колебание пальмовых листьев и нога моя готова ступить на тёплый песок.

– Нельзя облакачиваться. – Слышу я строгий голос, полный искреннего негодования. Передо мной то – ли уборщица, то ли сторожиха в линялом хлопчатобумажном халате, когда-то чёрного цвета. Басовитый голос заставляет сомневаться в её половой принадлежности. Тоска по южным морям пропадает мгновенно.

– В чем собственно дело, – вмешивается брат, – мы здесь официально: готовимся к докладу о распространении нашей агентурной деятельности на территории стран тихоокеанского бассейна. Хотелось бы встретить содействие и понимание.

– Ш-час, вызову охрану – будет тебе содействие и понимание.

– Ну, скажите хотя бы: когда музей работает? – Брат берёт на пол тона ниже, и пускает в голос весёлое миролюбие.

– По пятницам, – добреет и строгий страж порядка.

– Мы немного обогреемся и уйдём, – вставляю и я миролюбиво.

– Да грейтесь хоть до вечера.

Брату хочется поговорить о чем-то значительном. Я чувствую это. Он выбирает тему: ощущение непричастности к жизни. За четыре десятилетия им прожитые, столько всего изменилось. Какое участие мы приняли в этих изменениях? Малое – почти никакое. Потому и сами почти не изменились, разве что постарели. Я не перебиваю его, не говорю ему, что такие утверждения лучше относить к самому себе, не распространяя на всех.

– Наши родители смотрели старенький КВН, перед экраном, которого стояла залитая водой линза, – продолжает брат, – соседи собирались по вечерам у нас в комнате. Теперь спутниковое телевидение и сотовые телефоны. Но внутренне мы похожи на наших родителей. Мы похожи и на деревья. Корни наши уходят глубоко в землю, высасывая соки и поднимая их к листьям. Но деревья мудрее... Люди суетятся, бегут постоянно куда-то. Деревья стоят неподвижно. Лишь следующее поколение отвоёвывает у пространства несколько метров. Двигается только лес – масса. Дерево остаётся на месте.

Дальше ещё хуже.

– Куда мы уходим? – восклицает брат, – если уходим к Богу, то зачем ему нас так много. Мы уходим – поколение за поколением – счёт идёт на миллиарды душ. Что за рай там такой? Всем ли праведникам хватает там места? Не отправляют ли куда-нибудь из-за перенасыщения? Кому дают плацкарту? Может быть, отправляют куда-нибудь в космос. Ты не знаешь?

Я молчу, за отсутствием информации по этому поводу.

– Когда умерла мама, нам дали маленькую урну с пеплом. Папуля удивился: Как мало остаётся от человека! Он только тогда понял, что ему за семьдесят и очень обозлился на это. Он знал, конечно, что так будет, но когда-то потом. А когда пришла старость, он оказался к ней совершенно не готов.

Для брата она пришла гораздо раньше.

– Как хорошо будет, когда я построю свой домик. Тепло, тишина, уютно потрескивает камин. Маленькая кухонька, комната с кроватью. На веранде мольберт. Покой и отдохновение. – Брат произносит эти слова расчетливо ровно. Для него это, пожалуй, наилучший вариант. Мы идём по аллее вдоль ограды сада. За ней проносятся автомобили, кто-то надрывно газует, обгоняя. – Домик, недалеко от озера, чтобы купаться, когда жарко. Рядом лес. Можно ходить за грибами. Найти два три крепких подберёзовика, для приправы к картошке, и вернуться. Не таскаться по лесу с корзинкой – максимум полиэтиленовый мешок.

Он уже говорил мне это. Мне скучно слушать, но и деться некуда. Уйти нельзя, хотя бы по той причине, что его нужно отвезти домой. Сейчас он выглядит лучше. Округлая физиономия его румянится на морозе. Но неопрятность осталась. Волосы давно не стрижены и не мыты – свисают на воротник патлами. Он чуть выше меня ростом и пошире в плечах, но впечатление здоровяка не производил и до болезни: всегда был рыхлым, с лишней складкой жирка. Одет он вроде бы не дёшево, даже с некоторым художественным изыском, но вся одежда его не первого года носки и впечатления достатка не производит.

– Отчего меня так прихватило? – вопрос риторический, – безалаберная, какая у меня жизнь. Лет двадцать я собираюсь приехать сюда и купить маленькую пальму, а когда приезжаю, закрыто на обед.

Разбрасывая в стороны жёлтые листья, мы пересекаем газон.

Иногда – под действием погоды, из-за перепада давления – среди бела дня хочется спать. Со мной это обычно приключается в сумерки. Приходится оглушать себя чашкой крепкого кофе. Удастся прилечь где-нибудь – сон удивительно приятен и лёгок. Наверное, с братом происходит то же самое. Время подходящее – скоро стемнеет. Ветер растягивает облака, как будто кто-то меняет декорации. Лучи заходящего солнца устремляются в прореху между облаками, освещая всё вокруг и видно голубое небо.

Поддавшись светлой перемене, я предлагаю брату отвезти его в церковь.

– В какую?

Пусть сам выберет, отвезу в любую.

Он колеблется. Как-то на пасху он попал в Духовную Академию. На хорах семинаристы подружек тискали и шептались с ними похотливо. Больше туда не хочется. В Казанском Соборе музей религии и атеизма был. Детские впечатления от пыточных инструментов, которыми пользовалась инквизиция, очень сильны. Мешают на божественном сосредоточиться. К Николе сходить? Он патрон путешественников – из страны свалить захочется. Во Владимирский – тоже незадача. Там на иконе лик Христа, как рожа одного знакомого бандита. Церковь на Крови? Мрачно уж очень.

– К Исакию?

– Слишком красиво. Столько великолепия всякого, что для Бога места не осталось. Да и там музей. Бог у нас теперь экспонат.

Солнце опускается за крыши домов. Небо темнеет. Голубое небо на горизонте становится кобальтовым. Кое-где проскальзывает холодный зеленоватый тон, тот же, что на этюде, написанном братом.

Мы обгоняем грохочущий трамвай. В окна видны скучающие лица людей разных возрастов. Брат указывает мне на них, не смущаясь тем, что они могут видеть его жест.

– У каждого из них осталось определённое количество таких поездок, и никто из них не знает какое.

В наших краях первый снег всегда выпадает ночью. Редко бывает так, что он выпадает поздно вечером, ещё реже он выпадает днём. Я за несколько часов чувствую приближение снегопада. Какая-то физическая слабость охватывает меня и, одновременно, всё окружающее воспринимается с необыкновенной чёткостью и глубиной.

В ту осень первый снег застал меня на дороге. Я возвращался от брата и ехал один, размышляя обо всём понемногу, и, о том, что меня начинает затягивать моё извозное существование, а тоска по прошлой моей работе убывает. Перед лобовым стеклом закружились снежинки. Вдруг из них сделалась снежная стена. Несколько минут и тротуары, мостовые, газоны – всё было укрыто белым пологом.

* * * *

Брат позвонил мне и радостным голосом сообщил:

– У тебя есть возможность увидеть нечто необыкновенное. Марина пригласила нас в театр.

Высокого восторга это у меня не вызвало. Театрал я незначительный. Наверное, надо ходить на спектакли, в которых заняты хорошие актёры, но на них трудно достать билеты. У меня нет на это ни средств, ни времени. Я говорю без всякого стеснения: не люблю ходить в театр и всё. Толстой тоже не любил. Почему я должен любить? Представят какую-нибудь незатейливую историйку, потом дадут монолог с неглубокой моралью с непременно поучением, и... деньги давай.

Дверь мне открыл Папуля. Брат сидел перед компьютером и азартно щёлкал клавишами.

Квартиру их условно можно разделить на две части. Коридор – демаркационная линия. Папуля полностью занимает одну комнату. В ней военный порядок. Вдоль стены стоят две узкие железные кровати. На одной одеяло подоткнуто под матрац и натянута так, что можно прикладывать линейку. Вторая заправлена бантиком: на отглаженной простыне – она напоминает лист писчей бумаги, только что вынутый из пакета – уложено одеяло, завернутое в другую простыню. Изюминка в том, что линии сгиба второй простыни строго параллельны. Папуля как-то пояснил мне, что служил в двух разных воинских частях. В каждой застилали кровать своим способом – он застилает обоими, чтобы сохранить сноровку. Я тогда спросил его: поставил бы он ещё одну кровать, если бы ему довелось послужить в трёх воинских частях? Это не улучшило наши отношения.

В комнате никаких излишеств. Слева полка с книгами, всего несколько томиков и подшивка старых журналов по радиотехнике, по той самой ламповой радиотехнике, которой уже давно нет. Он служил в армии радистом, а потом работал в НИИ. Как у многих специалистов такого рода, у него в углу – у окна – был устроен небольшой столик, на котором разложен инструмент необходимый при починке разного электронного оборудования: пинцеты, отвёртки, плоскогубцы, неизменный тестер для замера напряжения. На квадратике бакелитовой фанеры проволочная подставка для паяльника и рядом жестяная баночка с канифолью – прямо сейчас можно что-нибудь припаять. Два коврика на крашеном дощатом полу – во всех других комнатах грязный затоптанный паркет. Чистое окно с белыми рамами; стены оклеены светлыми обоями в цветочек. Папуля ревниво относится к своей комнате и выражает недовольство, когда кто-нибудь к нему заходит. Но туда и не рвётся никто.

У брата спального помещения, как такового нет. Спит он в общей проходной комнате, где диван постоянно разложен. Огромный японский телевизор в углу – лицо диктора в натуральную величину. На обеденном столе, прижатом к стене, но всё равно занимающем почти половину комнаты, светло серый компьютерный ящик и рядом монитор такого, же цвета. На полу у окна оранжерея: множество горшков с цветами, приобретёнными в магазине на Аптекарском огороде. Брат скупил там значительную часть имеющегося ассортимента.

В предназначенной ему комнате никто не живёт. Там склад разных, необходимых вещей, которыми он никогда не пользуется. На диван навалены инструменты, самого неожиданного назначения, какие-то пилы, фрезы, молотки. К стене прислонено несколько рам и запас подрамников с натянутыми холстами. От пола поднимаются стопки книг. Многие лежат так, что корешки не видны и поэтому найти нужную книгу – не просто. В изобилии присутствуют краски, кисти, какие-то гипсовые отливки, не оструганные доски – доски оструганные, какие-то колобашки замысловатых пород и прочая разнообразная всячина, по мнению брата, представляющая ценность. На стене его последнее творение: полотно метр на восемьдесят, уже в дубовой рамке. Женская голова на фоне горного кряжа. Лица не видно, только щека и тёмно-зелёные волосы. То самое произведение брата, о котором я уже говорил. Пробраться по всему этому хаосу можно по узкой тропке, проложенной посередине и даже обозначенной доской – широкой оструганной пятидцаткой.

Я знаю, что у брата по городу устроено ещё несколько таких схронов. В одном мне как-то довелось побывать. Брат снимал подвальное помещение под шелкографскую мастерскую. Там было много всяких механизмов и приспособлений, тоже ценных или нужных для каких-то всегда таинственных, но не осуществлённых начинаний.

Нейтральная зона включала в себя кухню, туалет и ванную. Хозяйской руки не чувствовалось. Дешёвенькие обои поклеены были ещё при сдаче дома. Трубы, батареи, стены покрыты налётом сальной грязи. Сантехника в желтых разводах, в углах пыль, паутина. На кухне столик покрыт дешёвой клеёнкой, протёртой с одного угла, и колченогий табурет. Они живут здесь уже более пятнадцати лет, но ремонтировалась только комната Папули.

Жилище многое говорит о своём обладателе. Хотите узнать, с кем имеете дело, наведайтесь к нему в гости. Брат делал ошибку, приглашая сюда свою актёрку.

На кухне я отказываюсь от кофе: посуда в засиженной мухами сушилке разнообразна, но больше не фарфора, а пластмассовых тарелок и кружек. Мне всегда достается самая непрезентабельная чашка.

– Ты рано приехал.

Он отрывается от компьютера и идет в душ. В большой комнате, к моему удивлению, диван собран, и постель с него убрана. Видны и другие признаки марафета: стёрта пыль, подметено, на столе чистенькая салфетка, явно из запасов Папули.

На эти приготовления я смотрю со своей колокольни: кажется, он задумал пригласить её сюда после спектакля. Навряд ли, она уляжется с братом на этом нешироком диванчике, стоящим в проходной комнате. Такая ночёвка и особе поскромнее не слишком понравится. Мне, скорее всего, придётся везти её домой. Вся катавасия затянется часов до двух ночи – успеть бы к разводу мостов. Но этим соображениям я не придаю большого значения. Я решил расслабиться и получить удовольствие.

Папуля включает телевизор. Полное впечатление того, что дикторша забралась в угол, и выставила из него своё милое разукрашенное личико; хочется посмотреть какие у неё колени, но вместо них под телевизором ящик с чернозёмом для цветов. Папуля тоже в приподнятом настроении, надел чистую рубашку, но ворот у неё обтрёпан и торчит длинная ниточка, выбившаяся из ткани.

Брат возвращается из душа с порозовевшим лицом.

– Куда вы так рано поедете? – вопрошает Папуля.

– Сегодня важно не опоздать, – заявляет брат, натягивая в коридоре ботинок.

Мы и не опаздываем – я паркую машину у театра за час с лишним до начала спектакля.

– Сиди, жди, – командует брат и скрывается за дверью с надписью «Служебный вход». Возвращается он довольно быстро.

– Вот Марина оставила. – Он показывает мне две контрамарки.

Деться нам совершенно некуда – не сидеть же в машине – и мы идём в театр. С гардеробщиком брат раскланивается и здоровается за руку; в фойе держится завсегдаем. В буфете досадливо морщится у подноса с коньячными рюмками, источающими манящий аромат, и берёт себе стакан соку. Я беру бутерброд с красной рыбой и опускаю руку, потянувшуюся за рюмкой с коньяком. Нетактично – брату пить нельзя.

– Ты выпей, не стесняйся, одна то рюмка проветрится. С икрой ещё возьми...

Коньяк неплох. Разлившаяся в желудке теплота окончательно примиряет меня с происходящим.

– Вот – собираются уже.

Брат машет рукой двум девицам не первой свежести.

Одна из них слишком мосластая, сутулится, скрывая тем, сантиметров пять роста, другая, наоборот, толстенная пышка, приземистая и на высоких каблуках. Первая крашенная брюнетка – волосы у корней темнее; вторая крашенная блондинка. Идеальная пара.

Я доедаю бутерброд с красной рыбкой и присоединяюсь к ним – послушать что говорят. Брат кратко рекомендует меня по имени. Я киваю и по тому, как меня окинули взглядом, понимаю, что говорить ничего не требуется. Это радует. Рыбка, икорка, лимончик, коньячок – приятные гастрономические ощущения. Стоит ли отвлекаться?

– А я всё вспоминала, как ты стоишь тут у окна и ждёшь Марину, по несколько часов кряду, – заявляет блондинка. Брата передёргивает. Он косит глазом в мою сторону, но я, к сожалению, всё слышал. Чтобы не смущать его дальше, смещаюсь вдоль стены, рассматривая фотографии актёров, развешанные на стенах. Никого из них я не знаю. Обход зала зани-

мает у меня несколько минут. Появляется новая публика, более прилично одетая: мужчины в пиджаках и женщины в платьях.

Вокруг брата собралось общество. Кроме двух разномерных девиц, ещё штук пять – помоложе. Серенькие, одеты бедно. Среди них выделяется одна – брюнетка с модной стрижкой. Не скажешь, что хороша. В ней угадывается какое-то напряжение. Она, временами, поглядывает на брата как-то недобро. Что-то странное есть в этом долгом взгляде.

Раздаётся первый звонок. Публика тянется в партер. Зал почти полон. Прямо перед нами усаживается известный актёр, явившийся, когда погас свет, чтобы не привлечь надоедливое внимания.

– Узнал? – шёпчет мне на ухо брат.

Я кивнул. Мне понравился его потёртый пиджачок – в кино он всегда таким элегантным франтом выглядит.

Места у нас хорошие: по центру, ряду в десятом. Видно всё и задирать вверх голову не надо.

Пьеска игралась бодрая. Сначала двое мужчин, один из них представлял отца – другой сына, выясняли свои отношения. Сынок приехал к папе в Нью-Йорк из Оклахомы. Им было что обсудить, поскольку они не виделись лет десять. Потом из спальни появилась девушка в шортах, сразу же выясняется, что она там только спала. Одна спала. Хозяин к ней рукой не притронулся: склеил её вчера на улице для сына, и сам всю ночь просидел в другой комнате, брэнча на клавикордах. Сын – сублильный очкарик – не замедлил появиться и тут же застенчивая папашиного внимания. Вот-вот в квартирку, в которой всё происходит, должна нагреть папенькина жена, бывшая, разумеется. Приедет из Калифорнии. Короче говоря, собралась семейка.

Девица в шортах до *femme fatale* не дотягивала. Но как только явилась жена папочки, по тому, как брат подобрался, стало ясно: она и есть. Вскоре она уселась своему бывшему мужу на колени, и он признался ей, что болен раком.

– Эх, бля, – подумалось мне, – пьеска то не в жилу, не распереживался бы братан. Внешне он остался спокоен, но кресло под ним жалобно пискнуло. И тут пошёл её монолог. Она его провела ловко. Начала с упрёков своему бывшему сожителю в невнимательности и чёрствости, а закончила тем, что, несмотря, на бархатную жизнь на берегу другого океана с известным кинорежиссёром из Голливуда, она его, дурня, всё равно любит. Она так и выкрикнула в зал:

– Люблю я тебя, люблю, неужели ты этого не понимаешь?

В упор, глядя на брата. Я даже спрятался за спину известного актёра, подальше от создавшегося напряжения, и подумал: «Так ещё, куда ни шло – вселяет надежду».

После перерыва – нудного переминовения с ноги на ногу в фойе – пошла на сцене говорить о доброте главного героя, о его любви к людям. Он, оказывается, и неудачником стал из-за этого. Показаны были большие фотографии – он стойко переносит мучения от разных медицинских процедур. Всем стало скучно. Известный актёр на этом месте свалил. По всем признакам действие близилось к концу. Свет на сцене погасили, а герой встал у рампы, и только лицо его было выхвачено из темноты прожектором. Последний монолог. С первых слов стало ясно, что это очередное наставление глуповатому зрителю о том, что ценно в жизни, а что не очень.

Я наклонился к брату, и попросил номерки, чтобы попасть в гардероб до того, как там соберётся очередь.

– Сиди. – Приказал брат. – Нам всё равно Марину ждать.

Публика аплодировала без особого энтузиазма. Когда зал почти опустел, поднялись и мы. Стайка девиц толкалась в коридоре. Была среди них и чёрненькая со странным взглядом. Они стояли, молча, чего-то ожидая. Брат прошёлся туда обратно, разминая затекшее тело. Я спросил его: долго ли ждать? Не придётся ли мне с ним околачиваться в этом фойе часа два? Брат

кивнул и скрылся за почти незаметной дверью, оклеенной теми же тканевыми обоями, что и стена. Его долго не было. Девицы глянули в мою сторону и забыли о моём существовании. Когда брат появился, вид у него был несколько удручённый.

– Она нескоро освободится, – возвестил он всем присутствующим, – первый прогон – им всё обсудить надо.

Он делает стайке ручкой, я повторяю его жест.

В машине брат молчит – расстроен отсутствием продолжения. Но решение принималось в сферах для него недоступных. Как могу, я нахваливаю пьесу, но скоро замолкаю, чтобы мои похвалы не показались чрезмерными.

Высадив брата у его дома, я покотил к себе.

По несколько часов ожидать свою пассию! И сегодня она так легко с ним обошлась. Но как я могу повлиять на это, что могу сделать? Не явиться же к ней с увещеваниями, что с братом сейчас надо обращаться поласковее, учитывая его тяжёлое заболевание.

* * * * *

Хотя и поздний был час, но в квартире моей раздалась трель телефона. Звонил «боевой товарищ». На этот раз я по-настоящему ей рад. Более двух недель она не звонила, и я подумывал уже о том, что она у меня больше не появится. Глубокой тоски это не вызывало, но лучше было, когда она приходила время от времени. Я заявляю, что не могу больше переносить нашу разлуку.

– Это означает, что мне можно приехать?

Именно так. Для своих лет она необычайно догадлива.

– Хм, – говорит трубка, – мне потребуется минут сорок на дорогу.

Я иду в магазин – купить пива и какой-нибудь еды. Потом лезу в ванну, лежу минут двадцать – греюсь. Погрузившись в тёплую воду я не испытываю недовольства прошедшим вечером, но эмоциональный фон дробится. Что-то беспокоит меня, как сомнение при обращении в кассу взаимопомощи. Я вспоминаю напряжённый взгляд чёрненькой девицы из стайки, окружившей брата. Может быть, в этом дело или я попросту начитался Пруста.

Когда раздаётся звонок в дверь, у меня пар валит из кастрюли с сосисками и на столе две тарелки. Она целует меня замёрзшими губами, снимает пальто. На ней тонкий свитер и короткая юбка. Кажется я первый раз вижу её не в брюках. Ей это идёт – у неё красивые ноги.

– Ты раньше не замечал?

– В кровати ноги плохо видно, – опускаю я тему.

– По какому поводу праздник? – она указывает на тарелки и пиво.

– Это не праздник. Я теперь всегда так живу.

– Она садится на табурет, подкладывает под себя ногу, плечом опирается о стену. Сидеть так неудобно, но кошачья мягкость её тела скрывает неловкость позы. Я кладу в тарелки сосиски, ставлю на стол бутылку с кетчупом. Она, вообще-то, пришла сюда из ресторана.

– Ну, точнее, из кафе – из частного кафе, открылось недавно. Зашли посидеть с девочкам.

– С девочками? – я задаю вопрос строгим голосом.

– С подружками, по институту, а если бы со мной был какой-нибудь потц, я бы тебе сообщила специальной депешей. Но есть хочется. Там такие цены!

Она улыбается одними глазами, натывает сосиску на вилку, макает в кетчуп и подносит ко рту. Язычок касается края и, переходя в долгое плавное движение, слизывает тягучую красную жидкость. Контрольный взгляд на меня – каково произведённое впечатление? Изгиб тела делается ещё пленительнее – грудь оказывается почти над тарелкой. Следующее движение языка увеличивает площадь охвата. Ещё одно заканчивается коротким мурлыканьем.

– Подожди ты, – прерываю я её, и наливаю пива.

– А, что такое, чего ждать? – она делает вид, что приходит в себя. – С тобой и отвлечься нельзя.

– Ты раньше вела себя серьезнее. – Она смеётся. – Скажи мне: у тебя никогда подружки не было?

– Сколько угодно, а что?

– Ну и как ощущения? Это интереснее чем с мужчиной?

– А, ты об этом – я не так тебя поняла, – она нисколько не смущена, – даже не знаю, как тебе сказать. Мы попробовали как-то с девочками. Но у нас ничего хорошего не получилось. Насмотрелись по видику, выпили вина и давай тоже лизаться и обниматься, но лично я никакого удовольствия не получила и свалила от них, к тебе между прочим.

– Правильно сделала.

– Чего тут правильного? Ты меня стал учить, как правильно делать минет.

Я одобряю свои действия – полезные навыки не пропадают зря. Подучится, получит образование – цены ей не будет. Почему я расспрашиваю об этом? Видел с каким напряжением одна девица смотрит на парня своей подруги.

– Ну..., женщины вообще нежнее мужчин: любим погладить кого-нибудь, поласкаться. Последние слова она растягивает... Когда никого нет – почему бы не помочь друг другу, чтобы совсем не засохнуть.

Я улыбаюсь, она замечает это и прыскает со смеху.

– Подумаешь – взрослые тётеньки немного поразвлеклись в постельке, – что тебе до этого? Вот если бы у тебя завёлся мальчик, я бы нисколько не ревновала.

– Того мне только и не хватает.

– Ты же называешь меня – товарищ?

– Это от тоски по добрым старым временам.

– А мне-то как догадаться от этого или от чего другого.

Мы с ней угомонились только под утро, и проспали до двенадцати, и сели пить кофе, и сидели на кухне, я в брюках и майке, она в свитере на голое тело, когда позвонил Папуля. Голос его был обеспокоенный:

– Уехал куда-то с Женей, – сообщил он мне, – я слышал, как они говорили про деньги. Какой-то счётчик обещали на них включить. Ты не знаешь что это такое? – Я, естественно, не знаю. – Просил тебя приехать к двум. Так спешили, что позвонить тебе времени не было.

Время то было, да брат, видимо, и при папуле не хотел говорить, что у них приключилось.

– Наверняка что-то связанное с электроэнергией, – успокаиваю я Папулю.

– Да что-то они слишком спешно свалили эту самую электроэнергию оплачивать?

До двух часов ещё есть время.

– У тебя неприятности? – она уловила нерв в моём голосе.

– Не у меня – у брата.

– Это, который больной. Смотри, я оденусь быстро, если тебе надо ехать.

– Не спеши, он ещё перезвонит.

– Тогда поздно будет. – Она скрывается в ванной, пускает в полную силу душ. Вскоре, обернувшись полотенцем, она мелькает в комнату. Мы успеваем выпить ещё по чашке кофе.

Я подвожу «товарища» к ближайшему метро и мы нежно прощаемся. Она не говорит мне, когда позвонит. Я не спрашиваю об этом.

У ангара стоит блестящий джип, видимо, Беспалого. Брат у дверей. Рядом с ним человек в кожане и кепке. Он поворачивается в мою сторону. Глаза жёсткие – не смотрят, а цепляются, и цветом они похожи на долларовые купюры. Такой бесплатно, ради того чтобы «только крутилось» и пальцем не пошевелит – отмечаю я про себя.

Моё беспокойство о брате росло. За три месяца у меня составилось нечто вроде досье на него. Выглядело оно неутешительно. На первый взгляд, не считая, разумеется, болезни, всё вполне прилично. Но он висел в воздухе.

Я, скрупулёзно, разобрал финансовую сторону, как основу всякого дела и благосостояния.

Начинал брат вместе с другом детства – Стасом. Достижения их соответствовали вложенным усилиям. На Бугре – в посёлке, где оба купили участки под строительство домов – всё было, как на диаграмме: высился дом Стаса и рядом зарастал лопухами фундамент, который «ляпнул» брат. В денежном выражении разрыв был ещё больше. Но брат тоже предприниматель и деловой человек, как и Стас. Потому оба они, по мнению брата, были в одном ранге. Как деловому человеку брату не страшны передрыги и временные сложности: каких-то десять – пятнадцать тысяч долларов не имеют для него решающего значения. Он перекрутится. Надо будет – достанет.

Вторым пунктом – актёрка. Или, наоборот, она первым. При значительном положении брата ему нужна видная жена. Такому человеку как он, не солидно жить со скромной работницей банка. Но актерке больше подошёл крепкий парень на «Мерседесе», а не сердечник с долгами.

Живопись брата тоже пришлась неудачно. Он понимает себя художником – ну, немного непризнанным. Так бывает. Его замыслы – их немного, больше было желания их замыслить – когда-нибудь осуществляются. Лет двадцать он готовил их реализацию – всё появлялись поводы для отсрочки. Теперь вот болезнь, которую надо переждать. Всё это было пустое. Никаким художником он никогда не был. Мог нарисовать что-нибудь похожее на куб с тенями – не более.

Сколько он протянет ещё? Тоня не делала никаких предсказаний. Но, как она и предупреждала, ни брат, ни Папуля, ни я – никто из нас об этом уже не думает. С лица брата исчезла отёчная одутловатость и неприятная синева, он часто улыбается и более подвижен. Говорит уже без запинки. Мы все надеялись на лучшее. Он буквально грезил строительством домика на том самом ляпнутом фундаменте. Дни напролёт рисовал его на компьютере и был очень доволен собой и своим занятием. Картинка получалась симпатичная.

Тоню он видеть не хотел. По его мнению, врачи поверхностно смотрят на вещи. Он поймал её на рассуждении о крепости сигарет. Как-то она сказала, что две три сигареты в день – не вредно и крепкий табак действует на организм так же, как слабый. Ничего подобного. Крепкие сигареты он курить не может: от одной двух затяжек чувствует боль в левом подреберье, тогда как пару слабеньких выкуривает с удовольствием. Мне тоже это показалось сомнительным.

Мы общались с ней в эти дни по телефону, и разговор наш начинался с брата. Я рассказывал про наше хождение по огороду, но тем и ограничивался. Что ей до наших проблем? Она была согласна: такие променады полезны.

Она спрашивала меня, как дела у брата с его актёркой. Мне нечего было ей сказать. Равнозначны ли их чувства? Не редко любовный угар испытывает кто-то один, а другой только делает вид – из жалости или элементарного расчёта. Стоило ли рассказывать, что брат на счастливого влюблённого похож как кот, перед носом которого захлопнулась дверца холодильника с колбасой.

Мы говорили об общих знакомых – их немного. Вспоминали Обезьяна. Когда поедem к нему в гости? Я готов хоть завтра, но она может поехать только на следующей неделе. Там у неё появится окошечко.

Приближались новогодние праздники, и мне жаль было терять деньги, которые я мог заработать с гораздо меньшими усилиями, чем в другое время. Я уверяю её, что мы прекрасно

съездим к нему и позже, и потому, с какой готовностью я согласился на отсрочку, она понимает, что моё желание ехать зимой за город по скользкой дороге – невелико.

Беспокойство о незавидном положении брата усилила одна моя пассажирка. Её светло-серый плащ я заметил издали. Рядом с ней, прямо на тротуаре – поместительная сумка. Было около восьми вечера. Я сразу подумал: не агитатор ли? Куда может спешить в такое время симпатичная девушка с большой сумкой? Может быть, сбежала от мужа или любовника? Деньги за поездку предлагает небольшие, но ей надо в больницу. Я поднимаю цену на пятьдесят рублей – она соглашается.

Я не пожалел, что не зарядил, как следует. За то я услышал разговор не со стороны брата, а с другого конца провода. Приведу его с возможной точностью.

Она больна – температура высокая.

По виду не скажешь. Лицо свежее и никаких признаков жара. Выговор у неё странный: тянет гласные, и ударения делает не всегда там, где нужно. Так говорят на юге, в Крыму.

В сумочке звонит мобильник. Она быстро находит нужную кнопку и отключает его.

– Друг звонит, – поясняет она. – Я ему сказала, что уеду на недельку. Волнуется. Где, что, с кем? Много задаёт вопросов.

– Так в больницу же?

– Ну и что? Ему, зачем знать, что у меня болит что-то? Он должен думать, что я здоровая. Пусть поволнуется, подёргается, как следует.

– Не обидится?

Следует лукавая улыбка:

– Пусть обижается. Это способствует... – Её перебивает ещё одна телефонная трель. Она опять уверенным движением находит аппарат. – Это же игра всё, а то он со своей жёнущкой слишком хорошо себя чувствует. Надо его подразмять немного.

– Тебе виднее, – говорю я согласительно. В ней есть какая-то простоватость, позволяющая обращаться к ней на «ты».

– Полежу в больнице, отдохну немного, а то на работе замучили. С таким трудом удалось устроиться. Сначала я вызвала неотложку. Те говорят: иди к участковому. А к нему очередь на два квартала. Сделай, говорит все анализы. Это же надо в поликлинику неделю целую неделю ходить. Хорошо есть знакомые – уговорили взять без анализов.

Голосок у неё довольно звонкий. Ей опять звонят.

– Вот, пожалуй, отвечу.

Но она ничего не говорит, а молчит напряжённо, слушая трубку, лицо подёргивается в нервном движении.

– Нет, – вдруг резко выкрикивает она, – тебе то что? Я? Да. А вот тебе это должно быть совершенно безразлично. Твои чувства? А в чем они выразились за последнее время?

Уверенным жестом она кладёт телефон в сумочку. Трель мгновенно раздаётся снова. Она опять отключает сигнал.

– Надо выдержать – перебить темп, – поясняет она, – а то пошёл нахрапом. Должен меня слушать, а не говорить. Хороший парень, много работает, но попивает. Его можно понять: крупная фирма, оптовая торговля, постоянный стресс. Не досмотрел – потерял. Такими деньгами крутит, что жуть берёт.

– А сама чем занимаешься?

– Секретарь – референт. С двумя языками – французским и итальянским. Много приходится работать в Швейцарии. – Быстрый взгляд – понять какое это произвело впечатление. Посредственное. Некоторая резкость движений и произношение вызывают сомнения. Она и на родном языке говорит с акцентом – а, на языке, выученном на курсах?

– Так много всяких встреч, приёмов, фуршетов. Кручусь как белка в колесе.

Опять раздаётся телефонная трель.

– У—у, задолбал совсем. – Она порывисто выхватывает телефон из сумочки. – Ну что тебе?

Теперь она слушает без напряжения, улыбаясь, поглядывает на меня.

– Куда еду? К друзьям еду. Отдохнуть немного. Друзья мои не то, что ты – они обо мне позаботились. Да, может быть и мальчики. Да позаботятся, а ты валяй к своей жене.

Следует весома́я пауза. Вдруг, ни с того – ни с сего, она всхлипывает и взрывается резким визгливым плачем. Видимо с той стороны следует успокоительная реляция. В этот момент она поворачивается ко мне и подмигивает заговорщически. Потом она опять внимательно слушает и подносит указательный палец к губам, показывая мне, что надо молчать. Следует ещё одно трагическое всхлипывание – за ним идёт текст:

– Я всё время одна. Ты мне подарил, да я помню. Телевизор меня не радует. Я помню, как было, – опять жалобное всхлипывание. – Будет? Не знаю я, что будет. Мне так одиноко и грустно. Одна я в этой жизни. Не на кого опереться. И ты тоже. Ты только кричишь на меня. Да. Ты сам не замечаешь, что и как делаешь. С женой своей ты тоже так обращаешься? Чего я от тебя хочу? – Пауза мгновенна, как точка между двумя предложениями. – Ничего я от тебя не хочу. – В голосе одна сталь. – Придурок. Да таких как ты деловых людей на базаре пучок по рублю продают. Недоумок. Кретин. Как только жена тебе деньги доверяет, когда в магазин посылает. Господи, угораздило же связаться.

Она не всхлипывает, а воеет трагически. И опять поднимает палец, чтобы я не брякнул что-нибудь в утешение, а на той стороне не услышали. – Всё отстань от меня, отстань. Не хочу видеть тебя никогда больше. – Она плачет в трубку. – Всё! Я сказала. Нет. Никогда.

И прячет трубку глубоко в сумку.

– Теперь не буду отвечать часа два. Пусть переварит сначала. – Она произносит это ровным голосом, без всякого надрыва, через мгновение улыбается:

– Хороша? А? – она явно довольна собой и ей хочется услышать слова одобрения.

– Да-а, – я тяну гласную, стараясь вложить своё искреннее восхищение. – Высший пилотаж. А если не позвонит?

– Куда он денется? – она потягивается в кресле.

– Ай, молодца. – Хвалю я. – Как по ногам. Видно опытную руку.

Она смеётся, сбрасывая напряжение. Смеюсь и я. Мы уже подъезжаем к больнице, охрана зевает у шлагбаума. Я без спроса проезжаю на территорию и останавливаюсь на пандусе приёмного отделения.

– Давай сумку помогу донести – больна, всё же.

– Не надо, – отвечает она. – Там делов – халат и тапки. Мне ненадолго – по женскому делу. Давай. Удачи на дорогах.

– Тебе того же.

Она хихикает в ответ.

Как врала мастерски. Лох на той стороне наверняка принял всё за чистую монету. Приём то известный: всё кончено – пусть помучается. А потом, лёгким движением руки она вытаскивает его из ямы, чтобы порадовался солнышку. Похоже, что и с братом моим поступают подобным образом.

* * * * *

Обсудить дела брата я мог только с одним человеком – со Стасом. С братом он учился в одном классе, и часто бывал у нас. Детство наше прошло в соседних домах. Иногда он утаскивал меня краткой беседой или дружеским подзатыльником, что было для меня одинаково приятно, как проявление внимания со стороны старшего. Потом мы вместе рыбачили, а когда

началась моя конструкторская работа, он несколько раз обращался ко мне с мелкими просьбами по инструментальной части, и был мною очень доволен. Пойду к нему – побеседую.

Разыскать Стаса мне удалось не сразу. Он поменял и квартиру, и офис. Проще всего было бы спросить его телефон у брата, но я не хотел придумывать причину для нашей встречи – врать попросту говоря. Последовали бы вопросы. Не сказать же, что хочу поговорить со старым другом про актёрку его и долги.

Мне помог случай: я увидел на улице фургон с рекламой его фирмы. Там был указан какой-то телефон. Набрав номер, я услышал металлический женский голос. Интонация его была изначально недоступной – почти презрительной. Так отвечают узбекским подданным желающим получить российское гражданство и ошибочно обратившимся в министерство Иностранных Дел. Нужно было сказать что-то экстраординарное, чтобы пробиться в сознание этой дамы, и я попросил:

– Позовите, пожалуйста, Стасика. – Воцарилось гробовое молчание. Наконец на другом конце трубки сообразили:

– Стас Николаевич сейчас очень занят. Вы, по какому вопросу?

– По оптовым закупкам, разумеется.

– Я сейчас соединю Вас с оператором. Что Вас интересует?

– Мне не надо оператора, мне нужен Стас.

– Стас Николаевич оптовыми закупками не занимается, и его сейчас нет на месте.

– Тогда передайте, пожалуйста, Стасику, что я обязательно должен с ним связаться. Я здесь проездом из Китая в Германию. Пусть он мне позвонит по телефону – я называю номер; или я буду ждать его по адресу – даю адрес нашей старой квартиры.

– Вы записали?

– Секундочку, дописываю. – В голосе слышна ироничная нотка.

– Рекомендую правильно оценить ситуацию. В течение трёх дней я буду находиться в вашей стране, и если узнаю, что моя просьба будет проигнорирована, Вам это будет стоить рабочего места. Мои отношения со Стасиком позволяют Вам это обещать. Он не раз обедал у нас на кухне в коммунальной квартире на углу Литейного проспекта и улицы Марии Ульяновой. Тогда его так называли. Вам вольно называть его как захочется.

Простите, – спохватывается трубка, – последние цифры я расслышала не достаточно чётко.

– И адрес записать не забудьте.

Я называю улицу и дом, в котором была та самая коммунальная квартира. В старом адресе намёк на то, что я звоню ему, из прошлого, и нужен он мне по делу, не связанному с фирмой.

Сложность дозвона поколебала мои надежды на доверительный разговор. Но вечером в моей квартире зазвонил телефон.

– Как ты пробил мою мегеру? – это был первый вопрос.

В четыре часа следующего дня я входил в его офис. Встретил он меня приветливо и провёл в кабинет с широким столом. Не успел я сообщить подробности разговора с секретаршей, как в кабинет вошёл молодой человек в костюме и галстук – принёс какие-то документы на подпись. Стас быстро просматривал каждый лист, подписывал. Чувствовалось – бумаги он знает. Пауза меня устраивала: я пытался понять, насколько он изменился за последнее время.

Кабинет обставлен светлой офисной мебелью. На полу мягкий палас, на стене тонко сработанный пейзаж: солнышко светит над морским пляжем. Стас покачивается в мягком кожаном кресле на колёсиках. За ним поместительный шкаф с конторскими папками на полках, но не из грязного картона, которыми раньше была в изобилии укомплектована любая бухгалтерия, а с весёлыми корешками из разноцветной пластмассы. Молодой человек удалился, также молча, автоматически.

– Рассказывай, как поживаешь?

Пожимаю плечами, поскольку не имею сообщить ничего интересного о своей теперешней жизни. Брату уже лучше – похоже, выкарабкается. А что касается моих обстоятельств – то хвастаться нечем. Пока финансирование темы прикрыли.

– Как быстро течёт время: вчера ещё бегали в школу, а сегодня уже инфаркты. Немного ещё и начнутся проводы в последний путь. – Это что-то новенькое – раньше он не опускался до констатации общих мест.

– На рыбалке давно был? – это верный ход.

– Не спрашивай. Накупил спиннингов, блёсен, а когда воду видел – не помню. Ты же был на Бугре – пятьсот метров до озера. Я купил лодку: так у лесника и болтается где-то.

Волна прошелестела по песчаной отмели и провалилась в песок. Весёлой кампанией мы рыбачили на Ладоге. Это подвинуло Стаса купить участок в тех местах и построить дом. Брат появился там позже. Он не ловил рыбу, и примкнул к Стасу уже в качестве дачника – купил участок рядом. Они предлагали и мне, но на строительство денег у меня не было, да и времени тоже.

– А как твой дом – достроил? – Этот вопрос ему тоже нравится.

– Почти готов. Остались мелочи. Держу там сторожа и двух собак. Точнее сказать повара. Он собак кормит, и присматривает за ними, а они уже присматривают за домом.

Он перекачивается на кресле к шкафу, открывает дверцу. Внутри видны бутылки и стаканы. Ещё одна новация: раньше Стас если и выпивал, то не держал спиртного. Он ставит два стакана на стол.

За рулём? Ничего страшного, можно оставить машину здесь. Постоит ночь под охраной. Ничего с ней не случится. Посидим, побеседуем. Я неопределённо пожимаю плечами. Выпивка поможет откровенной беседе – отказываться не в моих интересах. Стас наливает, потом пружинисто встаёт. Нужен тоник. Он быстро возвращается с двухлитровой бутылкой в руках. Сейчас и бутерброды будут. Пока покурим – он подталкивает по столу пачку.

«Парламент» для меня слишком манерные. Я тянусь к куртке за своими.

Стас оживлен, как любой желающий выпить. Когда мы проглатываем приятного, отдающего ёлочкой напитка и запиваем его тоником, он говорит:

– Не то чтобы увлекаюсь, но без этого нельзя. Свалишься иначе.

Входит длинноногое существо в короткой юбчонке и ставит на стол поднос. На нём тарелка с бутербродами и соусник с кетчупом.

– Кофею, Стас Николаевич?

– Не надо, золотце – иди домой. Надумаем, так сами справимся.

– Кофеварку не забудете выключить? – Звучит учтиво вопросительно.

Стас дожидается её ухода. Как только за ней закрывается дверь, он хватается за соусник, обильно поливает кетчупом бутерброд.

– Ешь, давай, а то не останется.

Он жуёт по-мальчишески быстро, глотает большие куски.

– Между собой-то ладите?

– По-разному бывает. – Отвечаю я с набитым ртом.

Стас наливает по второй. Выпиваем опять до дна, не разбавляя. Джин теплом разливается по венам. Ещё дожёвывая бутерброд, я решаюсь перейти к делу.

Я пускаюсь в почтительный политес: мне нужно его сочувствие для откровенной беседы. Вести о том, что между ними пробежала кошка, до меня доходили. Мне не надо лезть во всё это, но у меня вокруг брата непонятки вертятся. Не болел бы он – я не пришёл бы вопросы задавать. Мы всё же с детства знаем друг друга – это у меня главный козырь – и мне не с кем поговорить о нём.

– Спрашивай, не стесняйся.

В глазах его светится понимание, но проскакивает и холодок. Я мнусь для вида.

Кого? Беспалого? Знает прекрасно. Деляга высшей марки. За копейку удавится. Дела ведёт жёстко, расчётливо, всегда с дальним прицелом. Цех у брата с ним на паях? Ты что? Откуда такая информация? Цех полностью принадлежит Беспалому. Ну, возможно, один – два станка не его. Остальное Беспалый выкупил ещё два года назад. Эту канитель и Стасу предлагали, но он отказался. Убыточные предприятия он не покупает. Почему убыточное? По определению. Цех этот планировали как сушилку для дерева. Пока торговали кругляком, всё в порядке было. Надумали торговать доской – она частенько оказывалась влажнее, чем надо. Приходилось сушить. Несколько таких сушилок устроили в порту. А эту планировали для железной дороги. Там и ветка была раньше, да рельсы все от бездействия перекосило. Перепрофилировать? Производить из дерева что-нибудь другое? Практически невозможно: большая площадь – высокая арендная плата. Слишком энергоёмкая сушилка. Место неудобное. Вроде бы в городе, а прямого транспорта нет. Не всякий приличный рабочий согласится туда ездить. Всё вместе ничего не стоит. Он говорил это брату, но тот невнимательно слушал.

Беспалому денег не нужно? Стас откидывается на спинку кресла и задумчиво смеётся. Беспалый деньгами не интересуется? Смешнее трудно придумать. Брат что – действительно ему верит? И много должен? Там по-другому не бывает. Откуда знаю. Да брат твой просил и у меня деньги в долг. Не много – пять тысяч, но всё же.

Стас наливает ещё. Мне неприятно получить подтверждение того, что мой брат запутывается в долгах. Я не чувствую, уместен ли мой вопрос, но джин гонит не только кровь по жилам:

– Скажи, а почему вы перестали работать вместе?

Он смотрит на меня серьёзно. Потом берёт сигарету, протягивает открытую пачку и мне.

– Тебе как сказать: честно или по справедливости? – Старая шутка. – Ты сам его знаешь, чего спрашиваешь?

– Знать то знаю, но в последнее время мы не часто видимся. Когда я работал, мне не до него было, всё время в командировках. Помнишь? Половим рыбку и я обратно. Вдруг там у кого что-нибудь заклинит.

– Обезьяна то решили не запускать?

– Списали Обезьяна. Нет денег. Не придётся ему удивить межпланетную общественность своей физиономией.

– Программу прикрыли?

– Заморозили.

– Есть разница?

– Кое-какие деньги ещё капаят. В основном на то, чтобы Обезьян не умер с голоду. Вот ждём, теперь когда ты встанешь и профинансируешь всю затею.

– Ну, это не скоро.

Я готов дать Стасу возможность уйти от вопроса. Его ответ не так уж и важен для меня. Но он выказывает мне своё расположение – возвращается к теме:

– Твой брат стихийный коммунист. Кто по глупости с партийными ребятами связывается, кто по хитрости и беспринципности. Но есть и такие, для кого это единственный способ существовать. В одиночку они выжить не могут. В тусовочке: хорошо ли – плохо ли, но всё само собой образовывается. Кто-нибудь, да сделает за них то, что необходимо. Тебе неприятно это слышать, но ты сам напросился.

Я ожидал услышать нечто-то подобное.

– Ты же знаешь как с ним трудно. Собственная лень, у него выведена из недостатка в достоинство, при том в такое, какого ни у кого больше нет. Ну не любит он и не умеет работать, так это полбеда. Но он искренне уверен, что за него должны работать другие. Он удивляется и негодует, когда они этого делать не хотят. Мне надоело тянуть лямку и получать

за это иронические улыбки: брось, мол, из-за ерунды возмущаться – старая дружба дороже. Я и взбрыкнул, как лошадь. Он свою часть работы не сделал. Всё встало. Мне пришлось крутиться как белке в колесе, а когда всё нормализовалось, разумно было принять меры, чтобы такое не повторилось. Разойтись – единственный способ сохранить дружеские отношения.

Стас подливает в стаканы ещё, пускает витиеватый клуб дыма.

– Выздоровеет – будут проблемы. – Заключает он разговор о брате.

Опять появляется механический молодой человек, кладёт на стол лист бумаги и безмолвно исчезает. Стас впивается в листок глазами. Через мгновение он поднимает брови, комкает бумагу и бросает её в мусорную корзину.

– Хорошо, что ты пришёл, а то просидел бы лишний час ради этой галиматши. Ну, теперь я свободен.

Он отхлёбывает солидный глоток.

Что бы он посоветовал брату? Самый важный вопрос, который я хотел ему задать, но звучит он прямолинейно и чуть ли не глуповато. Надо было как-то по-другому сформулировать. Стас даже дёрнулся.

– Как что? Долги отдавать. Что же ещё? Я могу подождать, а Беспалый ждать не будет. Ты знаешь, что он отделяет квартиры и после этого их продаёт. – Я не знал этого, но кивнул утвердительно. – Откуда они у него берутся – не все конечно, но часть – не догадываешься? Внуши ты своему умнику, что лучше заплатить, пока на него счётчик не повесили? Чем платить? Подо что занимал, тем и платить. И чем скорее, тем лучше. Он, когда у меня деньги брал, про комнату говорил, про ту самую, в которой вы жили на Литейном, пока квартиру не получили. Большая комната в центре. Тысяч десять дать могут. Пусть продаёт и деньги несёт кому должен. Я подожду, пока у него дела выправятся. Ты пойми – продолжает он проникновенно – платить за него я не намерен. Я его предупредил. В наших делах это дорогого стоит. Я ему уже денег дал. И дал именно для того, чтобы он с долгами расплатился, но куда он их дел, и почему долг увеличился, а не убавился, я понятия не имею. Больше я ему давать ничего не намерен. Не уверен, что он и эти отдаст.

Он замолкает, оценивая сказанное, и добавляет:

– Быков то я для него расставил.

Я не понял, что за быки такие, где и зачем их надо было расставлять? Но пьяные мои мозги уже ворочались плохо, и я не спросил об этом. Минут сорок мы обсуждаем рыбалку. Мы успеваем ещё, по крайней мере, раза три подлить в стаканы. Если и был бы у меня неприятный осадок от беседы, то он смылся кристальной чистоты напитком, с привкусом ёлочки. Вереска, а не ёлочки, как поправляет меня Стас. Ёлки, а не вереска – я твёрдо стою на своём.

После этого спора, не слишком упорного, наше настроение позволяет обсудить любую занозистую тему:

– Стас, ты с Мариной знаком?

– С актрисой? – По его лицу проскальзывает улыбка. – Мы учились вместе в Техноложке. Она там осилила два курса и только потом поступила в театральный. Да согласен: как-то всё странно у них. Наверное, им так удобнее. Ей надо она пользуется – почему бы и нет.

После паузы добавляет с предельной откровенностью:

– Дурит она ему мозги, а ему это нравится. Мне так с самого начала казалось.

Следует пьяно резкий переход:

– Едем ко мне домой, у меня там ещё есть бутылка джина, но другого сорта. Ирина тебя хорошо примет, она тебя помнит.

– Куда там – надрались уже, – мне не хочется появляться в доме старых друзей на нетвёрдых ногах.

– Всё равно недовольство моим состоянием будет высказано.

Он встаёт, его ведёт в сторону. Он обходит стол и преувеличенно свободным жестом нажимает кнопку на селекторе. Видно, что он пьян. Я тоже встаю и чувствую себя не лучше.

Стас, покачиваясь, договаривается, чтобы нас отвезли домой. Шофёра уже нет, но у одного из охранников есть права и он готов с нами прокатиться. Мы долго одеваемся. Я помогаю Стасу надеть куртку и в коридоре поддерживаю его под локоть, но он вдруг вырывается.

– Забыл закрыть сейф, – бросает он на ходу.

Из кабинета он возвращается с недопитой бутылкой джина и предлагает мне хлебнуть из горлышка. Я не отказываюсь – всё происходящее мне мило и приятно.

Машина уже стоит у крыльца. Хорошая машина – новая, иностранная. Стас поясняет, что, по его мнению, Мерседесы – жлобство, потому бритоголовые их и любят.

Мы пьём джин из горлышка по очереди и чем-то смешим водителя. Стас просит отвезти сначала его, потом меня:

Он уже смирился с моим нежеланием заходить к нему в гости. В какой-то момент он чуть трезвеет и говорит без всякой связи с предыдущим:

– Ничем ты ему не сможешь помочь. Мы все под колпаком.

Я опять не понимаю, о чём он говорит, но спросить не успеваю: мы подъезжаем к его дому. Да и алкоголь путает сознание. Он выходит из машины. Я тоже выхожу – проститься и пересесть к водителю. Он ещё раз, теперь уже последний, приглашает меня к себе домой. Я опять отказываюсь. Он выбрасывает пустую бутылку в кусты. Она звякает обо что-то, но не разбивается – катится дальше.

– Цела, – говорит Стас, – плохая примета.

Мы крепко обнимаемся. Мы крепко обнимаемся ещё раз. Он целует меня в щёку. К дому он шагает нетвёрдо, оборачивается, машет мне рукой. Я сажусь рядом с водителем, жду, пока Стас скроется в парадном, и только потом хлопаю дверцей машины.

Новый год я встретил плохо, если не сказать отвратительно. Полоса неудач началась неожиданно. В работе двигателя на больших оборотах появились какие-то перебои. Скорее всего, был виноват подшипник трамблёра. Дома у меня был запасной трамблёр.

Под новый год капуста хорошо шинковалась. Работал много – про брата забыл. Тридцать первого я проснулся около двенадцати и потащился в душ, с трудом разминая спину. Позвоночник деревянный. Кто-то положил мне руку на шею и не собирался её оттуда убирать, и зад болел так, что трудно было садиться. Постоянное нервное напряжение, непонятки с братом, неполадки с мотором – надломили меня. В ночь на первое января о работе не могло быть и речи – я почувствовал, что не выдерживаю гонку.

Позвонил брат – попросил отвести его домой от актёрки.

«Поеду, – думаю, – может, развеется плохое настроение. Всё же праздник на носу, да и брат – родственник. Как он найдёт такси в праздничной сутолоке».

Хорошо запасной трамблёр лежал у меня в багажнике – была бы история. Машина завелась хорошо, но проехал я три остановки, и пошла в разнос моя техника. Остановился в удобном месте. Дело то простенькое – трамблёр поменять. Старый я выдернул быстро, и вставил новый, не теряя лишнего времени. Вроде всё сделал правильно, но не заводится. Искра вроде есть, бензин подаёт тоже. Уже и руки холодом прихватывать стало, уже и аккумулятор вот-вот разрядится. Просмотрел весь трамблёр и заново выставил зажигание, прочистил свечи. Прошло больше часа, прежде чем мотор недовольно фыркнул и заработал. Дал я ему прогреться, отрегулировал обороты и потом только решился тронуться с места. Мотор всё равно работал неровно. О поездке за братом в центр города не могло быть и речи. Я приехал домой и позво-

нил Папуле. Он знал телефон Марины и мог предупредить, что я не приеду. Чувствуя себя совершенно измотанным, я лёг в тёплую ванну. Обиделся на меня брат или нет – меня это уже не интересовало.

Вылез я из тёплой воды, обтёрся мохнатым полотенцем. Звонит брат – он уже дома. Прекрасно добрался на такси. И, слава Богу. Лёг на любимый диван и уснул сном праведника, не помышляя об антарктических первопроходцах и перелётах на другие планеты солнечной системы.

Проснулся я около десяти часов вечера. Ехать к брату не хотелось: я не рассчитывал на тёплый приём и решил повести дело так: приеду минут за тридцать до нового года и уеду через часик. Долг вежливости, так сказать. Всё лучше, чем быть одному в начале нового витка нашей планеты вокруг солнца. А пока у меня ещё есть час времени и можно заняться приготовлением салата. Приеду и, после питания, предложенного братом, поем как следует. Ещё вчера я сварил всё необходимое: картошку, морковку, совсем немного свеклы, припас варёной колбасы и майонеза.

Я всегда стараюсь приготовить салат, как это делала мама, но у меня не получается. Хитрость приготовления этого блюда состоит в мелкой нарезке и хорошем перемешивании. Картошка у меня всегда крошится, а нарезать мелко колбасу мне не хватает терпения. В итоге, ещё до заправки блюда майонезом, получается малопривлекательное месиво, но я упрямо довожу дело до конца: кладу майонез, перемешиваю, подношу ложку ко рту.... В этот момент раздаётся телефонный звонок, брат торопит меня – надо успеть проводить старый год. Вместо того, чтобы спешить, я неторопливо поедаю приготовленное мною месиво. Вернусь – поем ещё, и у меня есть бутылка красного вина, не заскучаю.

Минут десять двенадцатого я выхожу из дому. Первые обороты стартера не предвещают ничего хорошего: схватывает, но работает неровно. Не хватало ещё застрять где-нибудь по дороге и встретить Новый год в машине. Эх, жизнь моя поломатая! И с каких пор всё наперекосяк пошло? Где-то я сбил прицел. Чем-то прогневил Богов. На этом моём соображении мотор заурчал с полагающейся ему ровностью. Я дал ему чуток прогреться и тронулся потихоньку.

Граждане уже схлынули с улиц к праздничным столам. Дорога была почти пустой. Моя бывшая жена, сославшись на работу, как-то отсутствовала всю новогоднюю ночь. Я всё ждал, что она позвонит и скажет что-нибудь приятное, что все говорят друг другу в праздник. Но она не позвонила. Она объяснила мне, что автобус с туристами попал в пробку. Я промолчал, и не сказал ничего – всё равно дело уже шло к разводу. В новогоднюю ночь пробок на улицах нашего города не бывает.

Неудобно являться к столу с пустыми руками. У метро я выскочил из автомобиля и подбежал к ларьку, купил первую попавшуюся бутылку вина, какое-то польское фуфлю. Всё лучше, чем прийти с пустыми руками.

Брат встретил меня широкой улыбкой. До боя курантов оставалось минут двадцать пять. Папуля сидел в большой комнате у стола. Монитор компьютера сдвинули в сторону. Освобождённую площадь накрыли белой скатертью. Никакой другой уборки произведено не было. К приходу актёрки брат готовился обстоятельнее. Зато в экране огромного телевизора всё прыгало и кружилось. Как обычно пели и орали что-то навязчиво повторяющееся, и танцевали неуклюже.

Брат принял из моих рук бутылку вина, и сморщился осуждающе. Папуля не понял причину недовольства. По его мнению, вино, как вино – на круг сойдёт. На кухне, на газовой плите что-то подозрительно фыркало и шипело. Брат устремился туда и заорал, что всё готово. Я взял со стола тарелки и пошёл к нему. На сковороде, в каком-то чёрном месиве лежали три куска красной рыбы.

– Чуток пригорело, – сообщил мне брат.

Мы вернулись в комнату с тарелками. Я нёс две, брат одну – в другой руке он сжимал вилки и ножики. Папуля не терял время даром: открыл бутылку с принесённым мною пойлом и поставил на стол пакет с апельсиновым соком. Бокалы из серванта доставал уже брат. Себе он поставил стакан, а нам с папулей невысокие красного стекла фужеры, привезённые кем-то в подарок из не существующей уже Чехословакии.

Последние минуты уходящего года проходят нервно. Папуля снял с руки часы и положил их рядом с тарелкой. Брат перенёс на стол телефон. Я сидел спиной к телевизору и подвинулся так, чтобы ему был виден экран. Но брат ожидающе косился на телефонный аппарат – в нём что-то щёлкало и потрескивало, видимо, стоял на автодозвоне.

Без пяти двенадцать я налил себе и Папуле вина. Разливая, я повёл горлышко бутылки в сторону брата. Он сделал отрицательный жест рукой и налил себе виноградного соку. Трубка на столе пискнула, показывая, что есть соединение. Брат вцепился в неё, поднёс к уху, и лицо его озарилось блаженно. Брат слушал вдохновенно, как музыку. В телевизоре появился президент – лицо в натуральную величину. Я попробовал сострить и спросил Папулю: не президента ли брат слушает по телефону? Он посмотрел на меня уничижительно. Так в церквях смотрят на тех, кто громко говорит.

Президент закончил свои поздравления. Мы встали. Папуля выглядел очень подтянуто. Брат стоял сторбленно, прижимая телефонную трубку к уху. «Да, да – произнёс он, блаженно улыбнувшись, – и тебя тоже. Конечно, этот год будет совсем другим. Да – да, много лучше. Ничего плохого не случится».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.